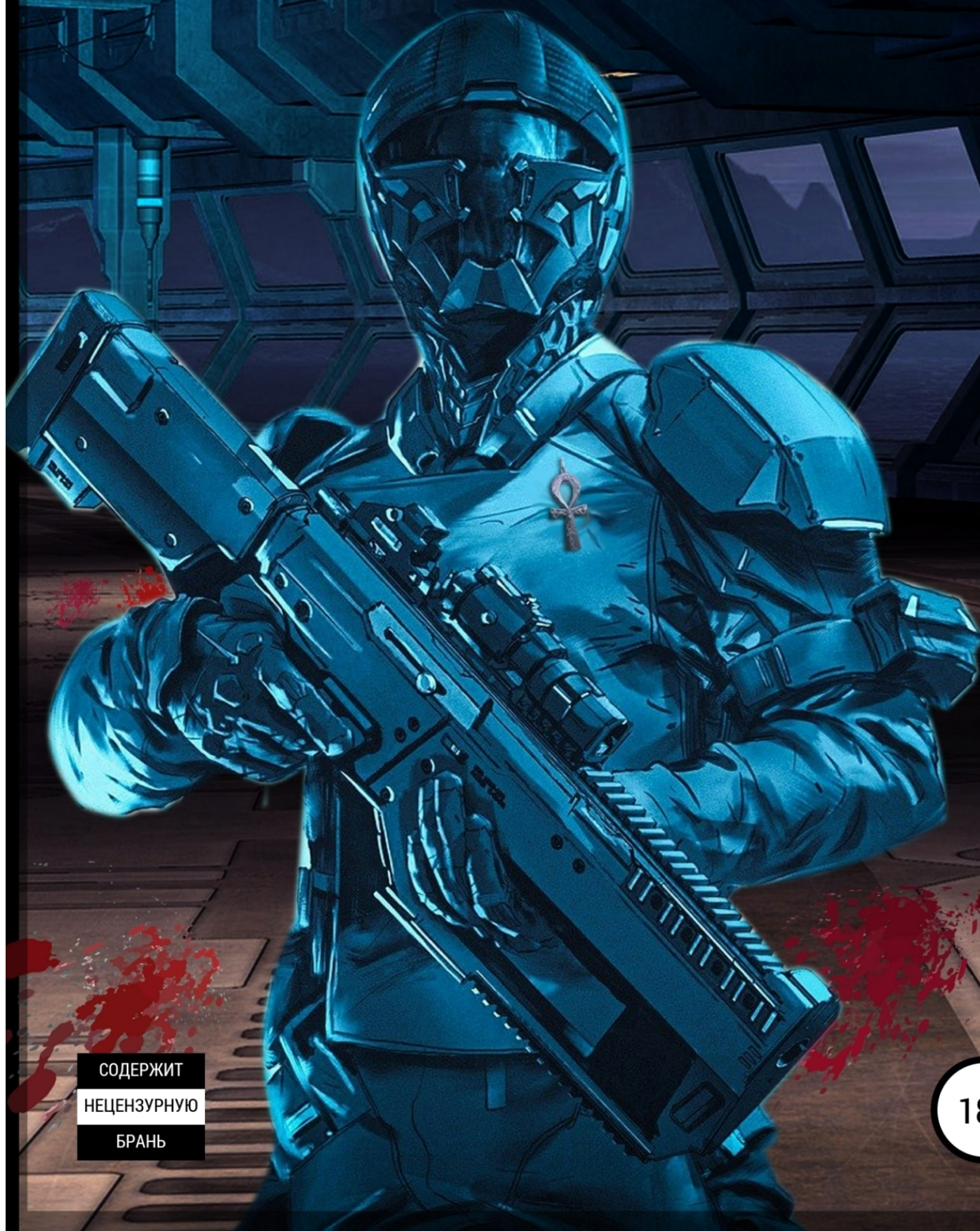

АЙА САФИНА

ПАДАЛЬЩИКИ

ИСПЫТАНИЕ
ВЫЖИВАНИЕМ

3

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Айя Сафина

**Падальщики. Книга 3.
Испытание выживанием**

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Сафина А.

Падальщики. Книга 3. Испытание выживанием / А. Сафина —
«ЛитРес: Самиздат», 2020

Борьба за выживание продолжается. На подземной военной базе Желява произошел военный переворот, падальщики становятся преступниками и их ждет расстрел. Полковник Триггер решает законсервировать Желяву, чтобы больше ни один ее житель не смог выйти на поверхность, где свирепствуют кровожадные монстры. В то же время доктор Август Кейн вместе с Тесс пытаются отвоевать мир обратно. Лекарство от вируса почти завершено, и осталось выиграть еще немного битв, чтобы вернуть людям самих себя. Сможет ли Триггер убить надежду в людях? Сможет ли Тесса возродить ее с новой силой? Испытание продолжается. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Глава 1. Подёнка	5
Глава 2. Продолжай бороться	21
Глава 3. Не забывай, кто ты есть.	47
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Айя Сафина

Падальщики. Книга 3.

Испытание выживанием

Глава 1. Подёнка

15 февраля 2032 года. 16.00

Лейтенант Триггер

Сейчас я расскажу вам, как вырасти из сержанта в полковника за тридцать минут. Для решения этой непростой задачи всего-то и нужно, что жить посреди апокалипсиса.

Два года назад нашу седьмую пехотную дивизию перебросили из Вашингтона в Фильсэкк на место второго кавалерийского полка, который спешно ввели под командование Сил быстрого реагирования НАТО. Объединенное командование проводило мобилизацию по всей Западной Европе, организовывая блок-посты и пункты эвакуации для здорового населения.

Вылетая из родного дома в звании рядового первого класса в свои зеленые восемнадцать лет, я даже не подозревал, что моя карьерная лестница лишится ступеней и меня понесет через дыры в ней со скоростью урагана. Когда еще в истории из рядового в лейтенанты выходили за полтора года? Я скажу вам, когда. Во время Второй мировой войны, когда людей в фарш сминали танками и пулеметами. Оказывается, убийство людей предоставляет их выжившим собратьям отличные шансы для карьерного роста. Когда я задумываюсь о том, что мое нынешнее звание прочно стоит на костях моих боевых товарищей, мне охота блевать от вида этих серебристых нашивок, которые должны вызывать гордость. Ничего кроме отвращения к самому себе они не вызывают. Ничего, кроме бесконечной тоски и слез. Ничего, кроме страха.

Страх того, что ты тоже в любой момент можешь стать чьими-то костями в пьедестале звания.

– Вот тебе и гребанное глобальное потепление! – выругался Гризли.

Рослый сержант с широкими плечами закрывал меня своей громадной фигурой от резких порывов ветра, разносящих промозглые капли дождя по всем сторонам света так, что от них не укрыться. Я продрог до костей, хотя вырос во Флориде – штате, который чаще остальных становился жертвой ураганов по мере постепенного таяния льдов. То Изабель оставит без электричества все юго-восточное побережье, то Бонни родит смерчи, которые убьют с десятков людей, паршивица Клодетт¹ обрушила дорожные развязки и запустила цепную эрозию, которая смыла в океан почти пятьдесят метров побережья.

Так вирус и выбрался из заточения льдов – мы сами их подогрели.

Южноафриканец Гризли родом из Конго вступил в ряды морской поддержки войск НАТО в период мобилизации два года назад, он вообще не привык к таким вот шуткам природы, вроде снега с ливнем, но переносил их куда проще, чем я – заядлая жертва осадков.

– Ни хрена не видно за этой стеной! – ругался Гризли своим забавным акцентом.

А ливень и впрямь не желал облегчать нашу участь. Модификация наших экипировок была улучшена бронепластинами, не пропускавшими влагу, но, когда ливень делал из нас отряд промокашек, а потом температура резко падала ниже нуля, на экипировке образовывался пласт льда, который замедлял движение прорезиненных суставных шарниров. К тому же хруст при движении добавлял шума, а сегодня шум – наш первый предатель.

¹ Названия ураганов, которые периодически обрушиваются на США

Зараженные обладают воистину потрясающим слухом, они могут услышать, как долбанная белка грызет свои орехи в дупле в двух километрах. А наш конвой из бронетранспортеров и зениток для них, как звон в колокола, приглашающий на обед.

– Ты бы, лейтенант, жену пошел проведать. Недолго ей осталось, – уже тише пробубнил сержант.

Моя спина рефлекторно напряглась, готовясь к самозащите, как и всегда, когда кто-то начинал говорить о моей жене. Я понимал, что ни в чем невиноват и судить меня никто не имеет права. Но так уж оно работает – мнение окружающих: даже если оно ошибочное, это ничего не значит для твоей совести, которая первым делом считает лишь количество голосов. А относительно меня и моей жены оно было абсолютным и не в нашу пользу. Мы с женой стали позорными пятнами нашей роты, как будто совершили нечто противоестественное, сыграв в любовь во время конца света.

– С каких пор твой глаз обзавелся способностью диагнозы ставить? – ответил я.

– Моя мать на моих глазах восьмерых вынесла. Я знаю, когда для женщины подходит время.

Я похлопал его по плечу – жест, выразивший благодарность и извинение одновременно. Гризли тут же выпрямился, и легкая улыбка чуть обнажила его белоснежные зубы на черном лице, неразличимом за плотной ливневой стеной в зимних сумерках.

Я зашагал вдоль площади, где разместилась наша рота из трехсот солдат на ближайшие двенадцать часов. Дольше останавливаться нельзя – окрестности все больше кишат зараженными, которые уже полностью захватили большие города и теперь постепенно рассредоточивались по периферии, как саранча в поисках плодоносных полей.

Вдоль дороги, ведущей к мосту через реку Тиса, выстроились взводы в своем разнокультурном многообразии: один разведывательный, один зенитно-ракетный, один танковый, два пехотных и три мотострелковых. Кое-где под козырьками крылец солдаты пытались покурить, отчаянно ведя совместные бои с дождем за урну. Наверное, это остатки рефлекса культурного воспитания – курить возле урны, сегодня уже никому нет дела ни до чистоты в городе, ни до здоровья граждан.

Многошерстность нашей мини-армии начиналась уже с экипировок бойцов: трехполосные нашивки флага Германии выделяли в ночи немецкое отделение пехотного взвода, чья экипировка IdZ² хвастала бронежилетами повышенного уровня защиты, легким, но прочным шлемом с очками ночного видения, а также внутрисетевой платформой боевого управления и коммуникации с БМП «Боксер»³; рядом с немцами три солдата из французского отделения пехотного взвода с винтовками FAMAS через плечо с крупногабаритным электронным прицелом-дальномером – французы первыми начинают отстрел врагов, завидя тех в двух километрах от роты; есть у нас с десятков литовцев и белорусов на разведке, хорваты присоединились на двух М-84 модификации «Снайпер»⁴, венгры в короткий срок овладели премудростями немецкой «Лисы»⁵, лишь бы остаться в рядах нашего огневого винегрета.

Год назад Совет Европы признал пораженческой тактику борьбы с заразой, которая заключалась в том, что каждая страна обороняет свои границы, создавая внутри стерильную

² IdZ (нем. *Infanterist der Zukunft*) – немецкий комплекс индивидуальной экипировки военнослужащего, созданный по программе «пехотинец будущего».

³ «Boxer» (нем. *Gepanzerte Transport Kraftfahrzeug Boxer*) – германо-нидерландское семейство многоцелевых бронированных транспортных средств модульной системы. Боевая колёсная бронемашина может оснащаться разнообразным вооружением и предназначена для использования в мотострелковых подразделениях сухопутных войск. Длина корпуса 8м, ширина – 3м, высота – 2,5м.

⁴ М-84А4 Snajper – хорватский танк производства фирмы «Джуро Джакович», уже немного устаревший.

⁵ Бронетранспортер TPz 1 Fuchs (нем. «Лиса») – немецкий бронетранспортёр – боевая колёсная плавающая бронемашина, оснащённая вооружением, предназначенная для транспортировки мотопехотинцев мотопехотных подразделений сухопутных войск принят на вооружение в 1979 году.

зону. Все та же логика что и десять лет назад, когда эти же страны закрывали границы от иммигрантов, как от прокаженных. Ирония в том, что прогрессивный мир сам же и запустил глобальное переселение народов с Востока, бомбя их дома ради ископаемого топлива, на котором можно нажиться. Теперь же он пытался спрятаться за стенами уже от смертельных последствий своей разрушительной политики, которая растопила льды, где спал вирус.

Все беды людей от их алчности.

Но зараженные мутанты – это вам не изнуренные бегством иммигранты. Зараженные оказались сильнее солдат, многочисленнее бронетехники и живучее тараканов. Их не брали ни пули, ни гранаты, ни даже химические бомбы. Чем больше мы обливали их свинцом, тем свирепее они становились. Срок превращения здорового человека в безмозглого чудовища сократился с недели до трех дней.

План с кричащим названием «Анклав» провалился. Следуя более выигрышной стратегии бывших стран СНГ, которые не видели иного для себя выхода выжить, кроме как объединиться, Европа расширила границы стерильных зон, уничтожая те, что были безнадежны. Так выстроились более крепкие стены, объединяющие армии сразу нескольких стран между собой. Так родилась Всемирная Армия Освобождения, протянувшаяся с запада Европы до самого востока Китая и России.

Она просуществовала три месяца.

Зараженные находили лазейки через выстроенные границы, благодаря халатности бойцов, попустительству генералов и просто страху политиканов, не сумевших вовремя нажать заветные кнопки в черных чемоданчиках. Когда страх вогнал их в стадию осознания полного поражения, было уже поздно обращаться к силе ядра.

Где теперь коды запусков ракет, никто не знает, как не знаем и где сидят остатки правящих элит. Вот так служившие чиновникам силовики остались брошенными своими патронами.

Я шел вдоль широкой улицы старинного разнохарактерного венгерского городка Сольнока, в котором слились воедино архитектура Восточной Европы и результаты многочисленных монгольских нашествий, его атмосфера так ярко и так уместно иронично подчеркивала полный провал объединения стран в борьбе с заразой. На фоне пустующих зданий с разбитыми окнами курящие и блюдущие караул солдаты в разномастных экипировках с нашивками флагов десятка стран безмолвно подтверждали поражение наших совместных усилий спасти человечество от вымирания. Человечество бежало из городов, и мы трусливо бежали за мирными жителями, прикрывая их отступление, потому что это было единственное, на что мы еще были способны.

Я прошел мимо двух «Боксеров» из Вооруженных сил Нидерландов. Далеко забрались эти два близнеца-бронетранспортера. В нашей наскоро сшитой из лоскутов армии им предоставлена одна из лидирующих ролей. «Боксеры» являются частью программы «пехотинец будущего», которую развивал немецкий Бундесвер, отсюда стальные гиганты хвастают своей мощью: устойчивость к артиллерийским снарядам, двойная броня, скрывающая ИК-спектр, 30-миллиметровая пушка на двухместной башне.

Один мы приобрели вместе с остатками от Объединенной оперативной группы повышенной готовности, которую НАТО создали в ответ на аннексию Крыма Россией. Второй «Боксер» с красивым названием Вилкас⁶ присоединился к нам с мотопехотной бригадой из Литвы. Волчонок укомплектован двумя пулеметами на патрон семь-шестьдесят два и всегда едет во главе нашей колонны вместе с разведкой.

Завернув за угол, я был встречен целым отрядом и шести Спартанов⁷ – выстрадавшее дите канадских и украинских инженеров, пережившее семнадцать полных переборок за пятнадцать

⁶ Vilkas (лит. «Волк»)

⁷ **Streit Group Spartan** – [броневедомоиль](#) с колёсной формулой 4 × 4, разработанный канадской компанией [Streit Group](#)

лет из-за конструктивных недостатков. Но в итоге родился Спартан с наращенной поворотной башней, усиленными балками и кронштейнами, более широкие шины позволили улучшить проходимость вне дорог с твердым покрытием, что в условиях апокалипсиса становилось все актуальнее. Мне нравились Спартаны. Они, как никто другие, очень походили на машины из фильмов про высокотехнологичное будущее, которое нам уже не светило.

Пробежав мимо тихо дремлющих бронеконей высотой в два с половиной метра, я вбежал на крыльцо бывшей ветеринарной клиники и спрятался внутри от мерзопакостной погоды.

Внутри было тепло, но сырость все равно пробралась в здание, я чувствовал ее в воздухе. Льет уже четвертый день без остановки, одежда не просыхает, скоро помимо вируса нас начнут добивать холод и болезни, а потом голод и изнеможение. Я стараюсь не думать о будущем, решая насущные проблемы, которых и без того выше крыши.

В смотровой посреди тусклого свечения настольной лампы вырисовывались тени, принадлежащие прошлой счастливой жизни: железный стол, на который милосердные жители водружали четвероногих друзей, ржавый умывальник, пустующие полки (лекарства и перевязочные материалы растаскивались людьми вместе с продовольствием), компьютер в пыли – он не работал уже давно, а в углу играющий свет походного фонаря вырисовал тень моей жены, сидящей на полу.

– Лейла, – позвал я.

Теперь, когда глаза привыкли к теплему сумраку, я увидел, что она прикорнула возле стены. Я присел рядом, оценил работу рядовых, которым приказал устроить здесь жену: она была укрыта шерстяным одеялом, пахнувшим плесенью, рядом стояла собачья железная миска с водой, как метафора нашему нынешнему существованию, а под складками зимней солдатской куртки, которая была больше Лейлы размеров на десять, я увидел катетер в локте. Наш военврач давал ей физраствор, это не было хорошим знаком.

Лейла проснулась не сразу, а когда открыла глаза, еще некоторое время пыталась понять, где находится.

– Эй, я здесь. Я рядом, – прошептал я.

Она улыбнулась. Я поцеловал ее в лоб. Горячий. Очень горячий. Черные волосы разметались по бледному лбу, под ярко-голубыми глазами, в которые я влюбился полтора года назад в Кошице, откуда мы эвакуировали почти пятьдесят мирных жителей, виднелись глубокие синие впадины, пухлые губы, единственные дарящие мне ласку в этом проклятом мире, растрескались. Я смочил полотенце в миске с водой и поднес к ее губам. Лейла пососала уголок.

– Много нельзя, – прохрипела она устало, и сама отвернулась от полотенца, хотя было видно, как сильно ей хочется пить.

Она чуть боднула меня локтем, указывая на капельницу.

– И так уже ноги отекли.

Я сел в ее ногах, спрятанных под одеялом, снял грубые солдатские ботинки из толстой кожи, мысленно поразился тому, как ее маленькие хрупкие ножки терпели такую тяжесть. Я разминал ее стопы, видя, что массаж приносит ей мало облегчения, но больше я ничего не мог сделать. А мне так хотелось ей помочь!

Я смотрел на холмик, вздымающийся под большой грудью с каждым ее вдохом, такой аккуратный и кругленький. Мне говорили, что по форме живота можно определить пол ребенка, но мне не понадобились суеверия. Пару месяцев назад мы сделали УЗИ в Будапеште, тогда город еще прочно стоял на оплоте сражения с заразой. Я знаю, что у меня будет сын. Аккуратный и кругленький сын.

– Воды отошли полчаса назад, – прошептала жена.

Я замер.

– Почему не позвала меня? – первым вырвался упрек.

– Не хотела отвлекать. Твое дело – защищать, а мое – рожать. Ты здесь не нужен. Также, как и я не нужна там в бою.

Ее прямолинейность всегда нравилась мне. Лейла умела преподносить даже самую болезненную и опустошительную правду каким-то добрым образом, который мне постичь было не в силу. Лейла стала для меня подобием дома, в котором всегда успокоят, поддержат и направят на нужный путь улыбчивой просьбой без озлобленных упреков. И когда я встречал осуждающие взгляды солдат, которым претила мысль о том, что в подобные времена можно думать о создании семьи и, что еще хуже, заниматься охраной беременных женщин, я вспоминал ночную нежность Лейлы в нашем спальном мешке, ставшем брачным ложем в бесконечной череде заброшенных сырых домов во время перевалов роты. В те моменты единения не существовало ничего, кроме границ спального мешка, пропахшего мускусом и потом наших тел. Ни одного гребанного упрека или озлобленного взгляда, ни одного зараженного и ни страха перед ними, ни конца света и ни тотального вымирания людей. Были лишь мы вдвоем. И вся вселенная сужалась до этого райского спального мешка посреди ада, где мы доказывали господу, что вопреки его стремлению выжечь нас до корней, мы все еще живы.

Солдаты смотрели на ситуацию цинично в русле «мы должны охранять залетевшую бабу лейтенанта, когда сами стоим на пороге смерти». Во время конца света трахаться надо с умом – вот, что они хотели мне сказать, но не смели, потому что я выше их по званию. Помните? В моем пьедестале костей больше, чем в их, а значит имею право трахаться без рассудка.

Конечно, ребенок стал для нас с Лейлой неприятным сюрпризом, но потом пришло понимание того, что не все в наших руках, и коли так случилось, значит, тому суждено случиться.

А потому мы сидим сейчас в ветеринарной клинике, пьем воду из собачьих мисок и ждем нашего чуда, боясь представить, как будем выживать после этой ночи теперь уже с младенцем на руках.

Послышался громкий стук входной дверью, смелые шаги и шуршание одежд. В комнату ввалилась одна из моих немногих друзей.

– Вот, нашла кетамина пару ампул! О, привет, Макс! Готов папкой стать?

Света сняла дождевик и встряхнула прямо на нас, она никогда не беспокоилась о чужом комфорте, а потому ее забота о Лейле вызвала у меня недоумение. Наверное, вот так выглядит женская солидарность. Под шлемом оказались черные постриженные в каре волосы. Я всегда задавался вопросом, как она их так ровно подстригает, словно самурайским мечом. Стрижка Светы, как и ее бдительность были безупречны.

– Спасибо, – прошептала Лейла и улыбнулась единственной женщине в нашем узком кругу военных друзей.

Светлана Трухина проделала долгий путь из Белоруссии в составе разведывательных войск. Еще до начала Вспышки она занималась вынюхиванием НАТОвских планов по продвижению войск на восток к границам с Россией. Трухина имеет чутье на заварушку, ей богу, у нее какая-то парадоксальная способность к наблюдениям: она всегда знает, куда смотреть. Два года назад, когда началось наше бегство с авиабазы Тасара⁸, где мы обороняли клочок земли стерильной границы, Трухина прибыла на мощном «Руслане»⁹ с десятком разведывательно-дозорных «Кайманов»¹⁰ в рамках передислокации тяжелой техники в связи с провалом «Анклава». Это уже позже она рассказала, что уловила ветер перемен, который велел ей хватать как можно больше бронированных машин и валить подальше от городов. Не знаю, был ли

⁸ **Авиабаза Тасар** ([англ. Taszár Air Base](#)), ([ICAO: LHTA](#)) – военная авиабаза, расположенная близ деревни Тасар (Шомодь, [Венгрия](#)) в 250км от Сольнока, где находятся герои.

⁹ **Ан-124** (имя собственное: «**Руслан**»; шифр в ОКБ и МАП: **Изделие 400**; по [кодификации НАТО](#): «**Condor**») – [советский](#) тяжёлый дальний [транспортный самолёт](#)[5] 4-го поколения разработки [ОКБ имени О. К. Антонова](#).

¹⁰ «**Кайман**» – белорусская бронированная разведывательно-дозорная машина. Производится с 2016 года.

ветер перемен человеком из разведки или же ее собственной интуицией и опытом, но благодаря ней у нас появилась дополнительная бригада из быстроходных дозорных машин, на которые мы установили радары, отслеживающие движение крупных объектов в радиусе километра. Белорусские «Кайманы» начинают и замыкают нашу разношерстную роту, следя глазами Трухиной за подозрительным перемещением живых объектов.

– Исайя собирает штаб через пять минут, – сообщила Трухина.

Я кивнул. Я знал причину сбора – нам надо определить направление. С самого побега из Тасара мы ищем убежище, которое сможем посчитать безопасным хотя бы больше, чем на двенадцать часов. Посреди Западных румынских гор засели три командных полка. Говорят, зараженные не могут подняться высоко в горы из-за анемии, годовая сидка полков возле Клужа¹¹ подтверждает эту теорию.

– Останешься с ней?

Я уже заранее знал ответ Трухиной. Она выпучила на меня глаза, сложила руки на груди и смастерила два вопросительных знака бровями.

– Я не гребанная акушерка! Я командир!

– Пожалуйста, Свет, мне не с кем ее оставить!

– Ну уж избавь! Всякие человеческие слизи и жидкости – это участь военврача. Где он?

Я посмотрел на нее взглядом, который она прекрасно знала и который всегда работал безотказно. Это был взгляд типа «ты мой друг, ты не можешь отказать, когда я прошу». В конце концов, взаимовыручка и сделала нас ближе всех остальных. В нас удивительным образом еще зиждились семена доверия и сострадания к ближнему, в то время как остальных солдат все больше и больше поработал эгоизм. Я все ждал, когда этот эгоизм превратит их в каннибалов. Я, Трухина и Исайя – мы, как никто другой, понимаем важность крепких звеньев в цепи, лишь вместе мы сможем выстоять перед ударами судьбы, которая бьет кнутом то спереди, то сзади. В одиночку с ней не справиться. Мне хотелось верить, что во времена конца света мы сможем сохранить подобие человечности, чтобы напоминать потомкам о том, кем им следует быть в момент, когда кажется, что весь мир канул в безвозвратный хаос.

– Ох, вали уже! Черт бы тебя побрал, Эван! – выругалась Света.

Я улыбнулся ей. Она показала мне средний палец. И я обрел уверенность в том, что моя дорогая Лейла и мой сын в самых надежных руках, какие мне только мог подарить бог.

– Семь лет в разведке, чтобы детей из утробы вытаскивать, мать вашу!

Трухина что-то бубнила себе под нос по-русски, я ее не понимал, но довольный выбежал из ветклиники в быстро спустившуюся морозную ночь. Ливень прекратился, ему на смену пришел снег. Мои ботинки оставляли черные следы на асфальте, покрытом белым снегом, который отныне выполнял роль осветительных фонарей.

Штаб расположился на центральной площади Сольнока в музее Яноша Дамжанича – трехэтажный дом из белого кирпича с мансардой. Всего в нашей роте пять командиров – по количеству родов войск. Решения принимаются большинством голосов, но в основном они склоняются на сторону самого опытного и харизматичного из нас – Исайи Онвуатуэгву. К началу Вспышки он уже десять лет прослужил миротворцем ООН на границе между Суданом и Южным Суданом, где происходил нескончаемый дележ территории Абьей богатой нефтяными залежами. Военные перевороты трясли Судан каждый год на протяжении пятнадцати лет: переходные органы власти, временные правительства, оппозиция никак не могли найти лидера, который бы всех устраивал. Коррупцированный континент визжал голосами ни в чем неповинных женщин и детей, которые больше остальных подвергались насилию, порабощению

¹¹ **Клуж-Напо́ка** (инф.) (рум. *Cluj-Napoca* [ˈkluʒ naˈpoka]), до 1974 года – **Клуж**, также **Коложвар** (венг. *Kolozsvár* [ˈkoloʒvaːr]), **Клаузенбург** (нем. *Klausenburg*) – город на северо-западе Румынии (второй по размеру город страны после столицы), административный центр жудеца (уезда) Клуж.

и уничтожению. Исайя вырос в Эфиопии, он никогда не любил рассказывать о своем доме, он никогда больше не возвращался туда с тех пор, как стал солдатом в голубой каске. Никто и не настаивал. Вся трагедия его жизни отпечаталась в его размеренной речи, взвешенных словах – каждое из его уст стоило дорого – открытом и бурящем насквозь взгляде, кричащих шрамах на лице от мачете, а также в бесконечном сострадании к людям всех мастей. Невероятным образом в Исайте смешивалась солдатская твердость и навязчивый гуманизм. Думаю, только благодаря ему наша рота еще не превратилась из армейской части в банду мародеров, каковыми стали многие дезертирские отряды. Исайя всегда напомним о том, что мы стали солдатами не из-за трусости, не из-за страха за свою жизнь, а именно из-за стремления навести порядок в мире, защитить обездоленных и слабых от гнета сильных, стать непоколебимой стеной между справедливостью и злом.

Внутри в зале постоянной выставки народной жизни средне-тисского края посреди экспонатов, изображающих сцены из прошлой жизни на фоне хижин с соломенными крышами, когда Сольнок жил рыболовством, добычей тростника и вырубкой лесов, стоял широкий стол с водруженной на него стратегической картой, выкраденной смекалистыми полковниками у НАТОвских генералов в самом начале зарождающегося хаоса. Увидел бы кто, что карту расположения секретных военных баз и бункеров дотошно изучают обычные солдаты в толстых зимних куртках, всего полгода назад бывшие рядовыми, мы бы все были брошены гнить в безвестные тюрьмы еще задолго до вчера.

– Через Е60 всего триста километров пути, за день пройдем, – предложил командир пехотных взводов по фамилии Слуньски.

Трухина со свойственным ей пофигизмом на чувства людей зовет его Слюнки. Я невольно улыбаюсь при воспоминании этого прозвища, так точно описывающего свисающие на плечи пакли светлых волос командира Слуньски.

– Слишком много крупных поселений, рискуем наткнуться либо на мародеров, либо на зараженных, – парировал Исайя.

Он стоял, как и положено, во главе стола – все карты развернуты к нему. Его иссиня-черная кожа приобрела глинистый оттенок в сумрачном свете походных фонарей.

– Зараженные так далеко не прошли бы мимо нас, – лысый широкоплечий командир пехотных Спартанов Хуберт, или как мы зовем его Убер, поддержал позицию пехоты.

– Все равно рискованно. На полпути Орадя – по последней переписи там триста тысяч жителей было. Увяжутся за нами. У нас и без них беженцев почти сотня человек, – напомнила Ромашка.

На самом деле командира мотострелкового взвода зовут Рамуне – короткостриженная рыжая венгерка, руководящая отрядами БМП. Но армия всегда была полна сексистов, а потому назвать девчонку Ромашкой нам показалось достойным.

– Это не аргумент. Мы возьмем к себе любого, кто изъявит желание пойти с нами, – Исайя тут же напомним, что цель нашей длительной экспедиции не только в спасении самих себя, но и в спасении нуждающихся.

– А если они без машин?

– У нас есть места в автобусах!

– Места есть, а вот с пропитанием дела все хуже.

– Я еще раз повторяю: мирных жителей не бросим!

Командиры недовольно переминались с ноги на ногу.

– Но Ромашка права. Через Орадя не пойдем. Крупные города, как приманка для падальщиков, – заключил Исайя.

Падальщики. С каждым прожитым месяцем мне казалось, что этот термин все больше подходит и нам: мы постоянно обнюхиваем все углы заброшенных домов в поисках продовольствия и медикаментов, собираем одежду и электронику, пытаемся перепаять ее во что-нибудь

полезное. Спасаясь от людоедов, мы не заметили, как сами стали пожирать любые годные остатки своего мира.

– Нам и здесь не следовало останавливаться, – буркнул Бекер – командир ракетно-зенитного комплекса «Роланд», которого мы все зовем на созвучный лад Пекарем¹².

Пекарь с опаской поглядывал на темную улицу за окном, где дороги покрывались все более толстым слоем мокрого снега.

– У нас нет выбора. В данный момент военврач оперирует мальчика с аппендицитом, еще трое мучаются от переломов голеней с самого Будапешта, как бы ампутировать не пришлось. С десятков детей страдают от жара из-за гриппа. Насколько мне известно у двоих подозрения на пневмонию.

Исайя еще долго перечислял причины, по которым нам необходимо спрятаться под крышами бетонных зданий от промозглых ливней и снежных бурь. Я был благодарен ему за то, что он не приписал к списку причин перевала мою рожающую жену.

– В том то и проблема, мы тащим за собой слишком много обуз, – тихо произнес Пекарь.

Но в стоявшей вокруг могильной тишине, в которую все больше скатывается человеческий мир, его шепот был услышан каждым. И в каждом нашел какой-то отклик: поддержки или противостояния. Одно ясно как день: никто не остался равнодушным к его словам.

– Хочешь сказать, что мы должны бросить людей и продвигаться в горы сами? – Исайя расправил плечи и напряг мышцы спины, словно готовился к атакующему прыжку.

Могильная тишина превратилась в физически ощутимую, как когда соперники смотрят друг на друга на ринге перед боем без правил.

– Их можно оставить здесь на то время, пока сами добираемся до Клужа. Мы же понятия не имеем, какими ресурсами обладает та база! С чего мы взяли, что они могут принять почти полтысячи человек? – видно было, что Пекарь давно вынашивал эту мысль и произносил ее сейчас с напором лопнувшего гнойника.

– Кто-то еще хочет оставить здесь людей? – Исайя медленно оглядел присутствующих.

С минуту все молчали, смущенно переглядываясь друг с другом. Не тратьте усилия для создания видимости благородства. Будем честными: мы все задумывались над этим хоть раз. Вот только подумать об этом и привнести думу в реальность – уже совершенно разные вещи.

Молчание прервал Убер:

– Черта с два. Идем полноценной ротой.

– Мы не оставим здесь людей. Они и дня не продержатся, – поддержал Слюнки.

Расклад мнений был ясен: все те, кто имел среди пассажиров автобусов родственников, не собирався бросать их на произвол судьбы. У всех нас там были братья, сестры, родители, а то и рождающиеся сыновья. Кроме Пекаря и Ромашки. Им не так свезло, как остальным. Судьба развела их с семьями слишком далеко, чтобы можно было найтись посреди зарождающегося хаоса. Они стали одиночками. И с каждым прожитым днем становились все опаснее для нас, как люди, которым нечего терять.

– Нам бы закопаться поглубже... в какую-нибудь подземную базу, – Ромашка зашуршала картами.

– В Клуже сидят генералы, у них наверняка куча карт с военными объектами, там и найдем новый ориентир. А пока расходимся на отбой. Ровно в шесть утра стартуем на Клуж по шоссе E81 в обход крупных поселений, – закончил Исайя.

Командиры разбрелись по своим взводам, одни недовольные решением, другие благодарные за него. В любом случае мы все еще находились в том расудке, чтобы понимать важность держаться вместе.

¹² Bäcker – с нем. «пекарь»

В зале остались лишь мы с Исайей, молча разглядывая в окне белоснежные улицы старинного городка, ставшего пристанищем вымирающего вида.

– Как думаешь, до шести разродиться? – спросил Исайя тихо.

Снова вспомнились кристально-голубые глаза Лейлы, в которых теперь обитал мой дом.

– Успеет, – я был уверен в ее силах и уж тем более в ее напористости.

– Нам недолго осталось блуждать по земле, – вдруг произнес Исайя.

Я недоверчиво посмотрел на него.

– Они правы. Нам нужно где-то оставить людей. Нам нужно убежище для них. Место, куда мы сможем свозить всех здоровых, пока они еще есть. Вот взгляни.

Исайя протянул мне сложенную карту. Ее не было на столе – он прятал ее от остальных в своем внутреннем кармане.

Сложенная несколько раз и уже изрядно потертая карта демонстрировала местность где-то в районе Балканских Альп, ручкой был обведен треугольник с едва разборчивой надписью.

– Объект 505. Что это? – спросил я.

– Заброшенная авиабаза в Хорватии под горой Желява. Ее строили в ответ на ядерную угрозу, можешь представить крепость ее стен.

Я уже хотел было взорваться от негодования, но Исайя всегда имел ответы на все мои вопросы еще до того, как они родятся в голове.

– Если мы обнаружим карту сейчас, мы лишимся половины бойцов. «Роланд» уедет с Пекарем, все бронетранспортники – с Ромашкой.

Исайя всегда мыслил на два шага вперед, поэтому он был лучшим из нас. Я с радостью поддержу его кандидатуру, если его выдвинут на генеральское кресло.

– Почему бы нам всем не отправиться туда немедленно? Зачем нам Клуж? – все же не понимал я.

Исайя стоял неподвижно, руки сцеплены за спиной, ястребиный взор следит за каждой мелочью снаружи: будь то курящий рядовой или танцующая снежинка.

– В Клуже сидят генералы Объединенной Армии, а значит в Клуже хранятся секретные карты и схемы последних военных разработок.

И снова на два шага впереди.

– Тебя разве не берет зависть к немцам в их IdZ?

Ух, еще как брала! В усиленной версии их экипировка снабжалась бронепластинами, которые давали дополнительную защиту от укусов тварей, их наручные планшеты имели прямую связь с БМП, которая всегда может определить их местоположение.

– Чтобы биться с заразой, нам нужна экипировка пехотинца будущего, наше убежище будет нуждаться в мощной защите, и мы должны знать, где достать или как произвести эту мощь.

Исайя прав. Как и всегда. Мало закрыться в бункере, надо еще подпереть его стены и наладить производство продовольствия, выстроить системы жизнеобеспечения, если мы хотим создать настоящее убежище для остатков человеческой цивилизации. И если когда-нибудь мы дорастем до уровня, на котором сможем производить оружие, патроны и вот такую усовершенствованную экипировку для солдат, тогда мы сможем вести успешные бои с зараженными.

– А еще я уверен, что в Клуже находятся коды запуска «Труб Иерихона», – эту фразу Генерал почти прошептал.

А потом посмотрел на меня взглядом, которого я всегда боялся и боготворил. Этот взгляд говорил: «Я кладу тебе на плечи смертельную ношу».

– В них ведь так никто и не успел протрубить. Возможно, этот шанс представится нам.

Я кивнул, принимая ношу.

Я понял, что отличало меня от Исайи: в то время, как я полностью сосредоточился на спасении людей, их эвакуации в безопасное место, днями напролет придумывал поэтапный

план построения полноценного убежища, начиная от покрытия стен и потолка, заканчивая многоуровневой обороной снаружи, Исая же не оставлял надежды сразиться с зараженными тварями, отвоевав у них мир, который они отняли у нас. Он мечтал не только об убежище. Он мечтал о профессиональных отрядах солдат, подготовленных к одной цели – убивать могучих монстров.

Исая был мечтателем. Я – реалистом. Но каждый мечтатель признает, что в мечте нужна хотя бы частица реальности, чтобы зацепить эту мечту за что-то. И каждый реалист не откажется от доли мечты в его пресном мире, которая зажжет маяк где-то в тумане, как ориентир, куда следует двигаться. Мечтатель и реалист нужны друг другу, как лошади и кучер: первые несутся оголтело, второй придерживает, чтоб не занесло.

Внезапно где-то с запада донеслось эхо приглушенных выстрелов. В ту же секунду мы бросились на улицу, уже больше не жалуясь на пронизывающий мокрый ветер.

Я активировал рацию и тут же заговорил:

– Это лейтенант Триггер. Что происходит? Откуда пальба?

Пока в рации раздавались помехи, я снова вспомнил, как завидую немцам в их IdZ, потому что они могли подсоединиться к видеокамерам на БМП и увидеть, что происходит в двух километрах от их позиции.

Исая рядом застегивал бронежилет и затягивал каску, слева из великолепного дома мэра из белого кирпича высыпали оба пехотных взвода, видно было, что еще минуту назад многие из солдат исправно следовали приказу отсыпаться.

– Зараженные в километре от нас! Приближаются с южного берега! Радар улавливает до тридцати особей! – кричал из рации майор пехотного отряда, держащего караул на главном мосту через Тису.

Французы на Спартанах дежурят всего в пятистах метрах от места нашего перевала. Именно их FАMАSы ознаменовали тревогу, поскольку только эти винтовки оборудованы мощным прицелом-дальномером. К сожалению, в нынешних условиях, когда видимость затрудняют снегопад и ливень, весь потенциал дальномеров резко сокращается.

– Вниманию всех командиров взвода! Занять позиции обороны! Включить радары! Отслеживать уродов по шагам! Активно направлять Спартанов! Ромашка, БМП в боевую позицию! – Исая руководил быстро, он наизусть помнил расположение каждого отряда на этом пятачке Сольнока, который скоро, очень скоро станет местом ожесточенного кровопролития.

– Есть! – Ромашка уже направлялась к своим детищам. – Лиса, Боксер, активировать 30-миллиметровые!

– Так точно!

– Волчонок! Стоять у гимназии! Чтоб ни одна сволочь не прошла по мосту! – командовала Ромашка.

– «Роланд» вошел в систему IdZ, готов принимать и транслировать картинку!

– М-84 «Снайпер» стою с Волчонком, готов оборонять!

– Спартан-1 на западной позиции возле банка!

– Спартан-2 на восточной позиции на круговом кольце!

– Где Кайманы? – ревел Исая, когда доклад разведки не последовал в очереди.

Я стукнул себя по лицу.

– Трухина, твою мать! Чем ты занята?!

– В акушерку бл...ть играю! – тут же отозвалась разгневанная богиня деторождения.

Я стукнул Исая по плечу, тот кивнул.

– Светка! Я к тебе! – крикнул я в рацию и побежал в веткликнику.

В рации продолжались переговоры.

– Отправьте Кайманов на другой берег реки для сдерживания!

– Отставить! Никто не сойдет с северного берега! Держим мосты! – рявкнул Исая. – Кайманы на эвакуацию! Всех людей по автобусам! Приготовиться драпать отсюда!

Два автобуса стояли прямо за штабом, и уже первые люди высыпали на улицу, не дожидаясь приказа солдат – у них выработался рефлекс на перестрелку. Если зазвучали пули в воздухе, значит необходимо бежать.

Я пересек переулок Джокай, мимо меня проехали четыре Каймана, мне кажется, они даже не увидели меня во тьме. Бурлящий в крови адреналин возбудил рефлекс, и я вовремя отпрыгнул на тротуар.

Кайманы еще не затормозили, а из них уже выбежали солдаты в белорусской зеленой униформе и с резким славянским акцентом требовали людей пошевелиться:

– Давай, давай!

– Скорее!

– Грузитесь, потом будете искать друг друга!

Сейчас было уже неважно кто с кем сидит, главное – запихнуть всех в автобусы и валить подальше от города.

Легкое эхо выстрелов справа сменилось на оглушительную пальбу, резонирующую по стеклам зданий. На этот раз стрелял уже не FAMAS, а нечто гораздо крупнее. 30-миллиметровая пушка с башни Боксера, например. Видимо, зараженные подбирались к мостам быстрее, чем их отстреливали французы с дальномерными прицелами.

Здесь всего два моста, ведущих на противоположный берег, оба блюдутся бойцами с тяжелой колесной бронетехникой. Нам необходимо удержать тварей на противоположном берегу как можно дольше, потому что как только они пересекут реку и разбегутся по городу, ситуация резко выйдет из-под контроля.

– Твою мать! Они уже здесь! – закричал кто-то.

Крик утонул в радиопомехах. Слева за зданиями раздались длинные автоматные очереди.

– Кто доложил?

– Где они?

– С какой стороны?

– Я ничего не понимаю!

– Пекарь! Разъясни! – кричали командиры, перебивая друг друга.

Командир ЗРК «Роланд» и по совместительству его главный оператор позволил себе пять секунд задержки, прежде чем доложить. Я представлял, как он судорожно выслеживает на радаре подозрительные перемещения объектов в радиусе двух километров. Все перемещающиеся объекты мигали белыми точками на раздражающем оранжевом фоне радара. Зараженных можно отличить от людей по своеобразной ломаной траектории движения и скорости перемещения, которая в два раза быстрее человеческой. А потому чтение радара стало для Пекаря чтением Библии, спасающей наши жизни. За год практики он поднаторел в этом навыке. Когда-то я попытался постичь премудрости чтения радара, Пекарь посмеялся надо мной, увидев, насколько я безнадобен. Честно говоря, за этим делом легко растеряться и психануть: там и волки, и лоси, и брошенные фермерами коровы отображаются, поди отличи их от кровососущих тварей. Радару-то пофиг, кто из них кто, он размеры объекта вычленяет, а не его вкусовые предпочтения. Нам же читать радары жизненно необходимо в буквальном смысле.

К сожалению, пять секунд – невозможно дорого в борьбе с монстрами, которых я завидел еще до того, как Пекарь забил тревогу истеричным выкриком:

– Спартан-2! Восток, ребята, восток! Они уже пересекли мост! Направляются к музею!

А значит направляются к автобусам.

– Вижу их! – заорал Исая рядом.

Резким движением он вскинул автоматическую винтовку, прильнул к прицелу, и война разразилась на нашей улице.

В каком-то трансе, где мозг резко увеличивает обороты, я целую вечность наблюдал за тем, как из-за угла прямо на меня выбежали три тени. По характерным рыскающим прыжкам на четырёх конечностях было ясно, что это не пехотный отряд из Спартана-2. Те, скорее всего, уже лежат мертвые всего в пятистах метрах от нас, а значит один из мостов потерян.

Как только справа раздалась первые выстрелы Исайи, мозг вышел из замедленной реальности, оцепенение отпустило, я выставил винтовку вперед, вжал приклад в правое плечо и зажал спусковой крючок.

Пули тут же засвистели в сторону кровожадных монстров, скрывающихся в тенях ночного города. Я едва видел, куда палил, лишь визги обозначали попадание в цель. Но тени продолжали приближаться, изредка они сверкали белесыми вспышками, когда на них падал тусклый свет луны, скрывающейся за облаками, а потом они наконец выбежали на открытую местность и я увидел их.

Небесное светило, словно подговоренное богом, вылезло в эту ночь в первый свой долбаный раз, чтобы мы лицезрели изобретение создателя во всем его уродстве и ужаснулись.

Изорванные в клочья одежды, забрызганные кровью и мешковатые на высохших телах, до сих пор свидетельствовали об их прошлых жизнях: цветастое ситцевое платье, какие бывают у фермерских жен; белый воротничок в истертом на локтях твидовом костюме, как у страхового агента; бунтарская футболка с факом на груди и чересчур короткие шорты, как у подростка, переживающего половое созревание. До созревания дело так и не дошло, потому что девчонка превратилась в лысого монстра, бегущего на меня на четырех конечностях. Они скалились и рычали так громко, что я услышал их задолго до того, как увидел.

С опытом я стал различать их возраст. Не человеческий, а зараженный. Чем дольше человек бегаёт в форме монстра, тем больше он в него превращается. Тело усыхает из-за отсутствия белка в пище, кровь питает их развитые мускулы – придает им небывалую мощь. Время и пища растит им мышцы на ногах и руках, конечности становятся одинаково массивными и длинными, а также сильными настолько, чтобы прыгать на три-четыре метра. Ротовая полость деформируется, зубы сменяются на острые клыки в три сантиметра длиной, а их тип питания – плотоядный – развивает челюсти в широкие пасти, чтобы можно было мясо отрывать килограммовыми ломтями. Таких «опытных» кровососов мы, слава богу, видели нечасто. Говорят, двое таких могли перевернуть джип. Кто бы мог подумать, что у кровососов есть свои собственные стадии созревания.

Превращение этой троицы произошло около полугода назад, потому на головах еще виднелись остатки волос, нижняя челюсть не так сильно свисала вниз на растянутых жевательных мышцах, но они уже устойчиво пользовались четырьмя конечностями и быстро сокращали расстояние между нами.

Исайя стрелял рядом со мной. Рядом с ним на подмогу прибежал Гризли. Рядом с Гризли в шеренгу выстроились еще четверо немцев.

Хор из выстрелов окатил центральную улицу, взрывающиеся заряды вылетали из разгоряченных дул, отдающих паром на морозе, вспышки пороха разрезали плотный сумрак города. Наконец, бывший страховой агент poleg в битве за теплую кровушку – порядка десяти пуль разmozжили его лицо так, что на нем ни клочка белой кожи не осталось. Выстрел в голову – единственное, что отправляет этих тварей в ад. Фермерская жена покатила кубарем, когда пуля раздробила ей запястье, и та потеряла равновесие. Двое бойцов расстреляли ее в упор – мозговая каша вылилась из раздробленного черепа всего в паре метров от нас. Выстрелы поймали девчонку-хипстершу в воздухе, когда она прыгнула, целясь когтистыми руками в лицо одного из бойцов. Удары пуль сбили ее скорость, и она упала прямо к ногам экзекуторов.

Подросток. Ей не было и шестнадцати, когда бог решил завербовать ее к дьяволу.

– Что с эвакуацией? – Исайя обратился к рации, как только выдалась передышка.

Мы же продолжали стоять с винтовками перед глазами, ожидая появления следующих кровососов из бреши в обороне.

– Еще пять минут! – ответил Убер.

Где-то позади нас на втором мосту продолжалась упорная стрельба из 30-миллиметровых, перемежающихся с пальбой из автоматических винтовок. Но дальше стало еще хуже. Раздался оглушительный залп из танковой пушки, а потом резкий свист и гулкое приземление снаряда, взорвавшегося где-то на другом берегу реки.

– Ребята, они бегут как светлячки на огонек! Сейчас соберем здесь уродов со всей округи!

Слюнки был прав, восседая за пушкой танка М-84, чьи снаряды разили небывалой мощностью, но и слышны были за десяток километров. Танковые залпы – это план «самая последняя буква алфавита» нашей обороны. К танкам мы прибегали только в случае крайней необходимости, и мне стало страшно оттого, что эта необходимость так быстро настала.

– Убер, ускорься! Всем отрядам, приготовиться к отступлению через две минуты! – Исайя выдал приказ.

– Там еще бегут! – закричал один из немцев рядом с нами.

– Черт! Надо занять позицию Спартана-2! Закройте брешь! – кричал Исайя.

Мы снова разили в зараженных монстров, выбегающих из-за угла. Приказ Исайи приобрел еще больший вес, когда твари разделились и исчезли в проулках. Сейчас они разбегутся по городу и будут атаковать со всех сторон!

– На мосту установлена взрывчатка, она подсоединена к Спартану-2! – предложил боец, глядя на Исайю.

– Взрывай мост к чертям собачьим! – согласился Исайя.

– Ты и ты, за мной! – тут же приказал солдат своим товарищам.

– Прикрываем! – заорал я.

Мы сомкнули ряд почти плечом к плечу, продвигаясь за троицей солдат. Зараженные все пребывали, я насчитал уже семерых чудовищ, спрятавшихся где-то в проулках, еще восемь бежали прямо на нас. Их голодное сиплое дыхание и стоны, как у мертвецов, разбавляли звуки мощного сопротивления, что им оказывали пушки и автоматы нашей роты.

– Твою мать, их уже около сотни на том берегу! – кричал Пекарь в рацию.

– Не справимся! Взрывай мост! – ответил ему кто-то.

– Отставить! Потеряем оба моста – потеряем выезд на шоссе до Клужа! – ревел Исайя.

– Не оборвем им пути, помрем здесь все! – Пекарь стоял на своем.

Пока Исайя переговаривался с командиром ЗРК, немцы продвигались к Спартану-2, я продолжал думать о Лейле. И как только мы достигли улицы Арани Яноша, на которой располагалась ветклиника, я стукнул Гризли по плечу.

– Исайя! Я за женой! – тот кивнул.

Мы с Гризли побежали налево вдоль узкой темной улочки.

– Она не добежит до автобусов! – выпалил я на ходу.

– Дотащим, лейтенант! – уверенно произнес Гризли.

Я же с ужасом представлял, как запихну свою рожающую жену в душный автобус, и она будет проходить через пытки родов в дороге.

Но тут прямо перед нами с другого конца короткой улочки выскочили пятеро уродцев – те, что успели пробраться на этот берег. Они неслись сломя голову на запах человечины, наполнивший переулки Сольнока. Эти особи уже давно охотятся на людей – они были почти полностью голыми, лишь остатки трико болтались на бедрах. Их конечности были гораздо длиннее и мускулистее, они передвигались быстрее, были прытче, увертывались от выстрелов. И да. Они были умнее. Они заходили сбоку, окружали добычу, как если бы охотились в стае. Неужели в них остался интеллект?

У меня не было времени организовывать исследование их интеллектуальных способностей. Мы с Гризли синхронным дуэтом спустили крючки и яростно атаковали скачущих на нас рычащих кровопийц. Пули прошивали их тела насквозь, взрывали плоть черными ошметками, твари визжали, но не теряли напор. Голод был слишком силен, чтобы обращать внимание на боль. Я метил в головы и суставы – самые уязвимые места полутрупов, тогда пули либо перемолотят им мозги, либо разобьют кости в щепки, что критически замедлит их перемещение.

Но дальше в мою жизнь ворвался кошмар, который я никогда не забуду. Даже после смерти.

В ветклинике послышался звук разбитого стекла. Уроды ворвались в здание с обратной стороны!

– Гризли! – в отчаянии заорал я.

Что он мог сделать? Перехватить мою долю зараженных и взять всех пятерых на себя? Тогда он точно труп!

Но Гризли услышал мой вопль и сообразил быстрее: снял с пояса две гранаты, выдернул чеки и запустил по брусчатке.

– Ложись!

Мы прыгнули за ближайший почтовый ящик. Граната взорвалась через долгих две секунды. Взрыв яростно атаковал барабанные перепонки, плотность тактических перчаток мало защитила от оглушения, а потому в голове тут же возник писк.

Но даже сквозь плотную пелену, блокирующую звуки, я услышал крики в ветклинике, а потом пальбу. Оставалось всего десять метров до двери, я перепрыгивал через ошметки зараженных тел, некоторые из них все еще шевелились, а одна голова уродца даже клацала зубами.

Снова женский крик.

Лейла!

Я чуть не словил пулю, когда автоматная очередь вышибла окна на первом этаже прямо возле меня. Я пнул дверь так, что она слетела с петель, и стремглав ворвался в смотровую.

У меня перехватило дыхание: двое монстров напирала на Трухину, которая заградила себя с Лейлой перевернутым металлическим столом. Она орала, поливая уродов свинцом, но они не обращали внимание на боль от вонзающихся в их тела пуль. Зараженные не отступают, особенно когда дразнящий запах скопившейся в сочной матке крови вызывает к ним прямо тут в паре метрах от них. Для этих чудовищ беременные женщины – деликатес.

Моя винтовка атаковала зараженных горячими пулями со спины. На этот раз монстры завизжали от пронзающих пуль, но продолжали скалиться и рычать. Наконец, один poleg от многочисленных ранений в голову.

Но тут мощный удар в диафрагму сбил меня с ног, я отлетел к противоположной стене. Мысли догоняли события: уродец пнул меня с небывалой силой так, что воздух вышибло из легких.

Я не мог вдохнуть. Не мог позвать Гризли на помощь. Кажется, он снова открыл огонь в переулке. Значит, твари пребывают.

И тут автомат в руках Трухиной замолк, монстр не дал ей шанса перезарядиться, а уже снес стол, преграждавший ему путь к ужину, и оказался точно перед лицом Светы. Та не сдрейфила и вытащила нож, но зараженный ударил ее со всей мощью своей крупной ладони с длинными когтями. Послышался хруст треснувших лицевых костей, сдавленный стон, Трухина отлетела к противоположной стене.

Я не мог дышать – удар выбил из легких воздух напрочь, резкая боль пронзала грудь – скорее всего, сломаны ребра. Я медленно, преодолевая боль, пополз к Лейле.

Она сидела в углу комнаты с раздвинутыми ногами, между бедрами собралась лужица крови. Лейла рыдала, но продолжала делать резкие вдохи и тужиться – мышечные сокращения работали по заданной природой программе, и она ничего не могла сделать, кроме как продол-

жать выталкивать ребенка из себя. Она наблюдала за кровавой перестрелкой, смотрела, как зараженные кромсают нас, расшвыривают по сторонам, словно бумажных кукол, и не могла убежать.

Она продолжала рыдать и тужиться.

О боже! Моя прекрасная Лейла! Что же я с тобой сделал?!

Зараженный присел у ее ног, смотрел на нее, не моргая – чудовище смаковало грядущее пиршество. А я все полз, шепотом звал Трухину, валяющуюся без сознания в другом углу, пытался докричаться до Гризли снаружи, но грудь сдавило, как будто навсегда, и с этой резкой болью я даже не понимал, дышу ли я.

А тварь опустилась к ногам Лейлы и стала слизывать вытекающую из утробы склизкую кровь, наполненную кислородом и плазмой – для них это самый настоящий коктейль.

Лейла завyla и зажмурилась, не желая видеть, как урод лакомился соками матери и ребенка. Это ведь их жизнь! Он поедал их жизнь!

Из ее глаз текли слезы страха, а все тело пронзала невыносимая боль от родовых мук. Но она не могла не тужиться, процесс уже пошел.

Чудовище вылизало пол начисто, а потом приблизилось к лицу моей жены.

Она вдруг посмотрела прямо на меня, бесполезно ползущего к ней на помощь. Ее кристально-голубые глаза словно остекленели, умерли и больше не знали страха. Она смирилась.

– Спаси его, – прошептала она.

И закинула голову назад, обнажая свою длинную шею перед зараженным монстром.

Тот не стал медлить и в одно движение вонзился острыми клыками в ее белоснежную плоть.

– Не-е-ет! – заорал я в истерике.

Но крик получился сдавленным от физической боли, от душевных мук, от осознания поражения.

Исайя вбежал в помещение. В переулке за ним творился беспредел: сверкали вспышки, от которых тряслись стены, солдаты бегали по переулку и что-то кричали друг другу, автоматные очереди не смолкали, там и тут взрывались гранаты. Но я не слышал всего этого, словно здесь за стеной была другая жизнь.

Слезы застилали глаза, боль от сломанных ребер уводила в туман забвения, где хотелось переродиться в новом мире, получить шанс на новую жизнь без страданий.

Где-то снаружи раздался взрыв столь невероятной силы, что аж стекла повывибало из домов, яркая огненная вспышка на юге озарила тени в проулке – взорвали четыре пятикилограммовых блока С4, установленных на подпорных балках достопримечательности Сольнока.

Мост через реку Тиса¹³, построенный в форме подёнки, его фигурные перила создавали силуэт крыльев этого элегантного насекомого, которому природой отпущено прожить всего один день. Если разложить историю планеты Земля в хронологии, уместающейся в один день, человечество не прожило и одного часа. Наша жизнь оказалась еще скоротечнее, чем у поденки.

Сквозь пелену тумана я видел, как Исайя расстреливал убийцу моей жены в упор, его голова взорвалась от потенциала пуль, ворвавшихся в зараженный мозг. Я наблюдал, как очнувшаяся Света с лицом, залитым кровью, подползла к моей прекрасной жене, истекающей алыми ручьями из раны на шее, настолько глубокой, что в темноте позвоночник сверкал белизной. А потом Трухина подняла с пола армейский нож и резанула по животу Лейлы.

Я зажмурился.

¹³ Tiszavirág híd (венг.) – мост имеет конструкцию, имитирующую силуэт подёнки *Palingenia longicauda*, обитающей на реке Тиса. Этот вид подёнок впоследствии назвали стали звать Тиса, по месту их обнаружения.

Это невыносимо! Мою жену, мою прекрасную Лейлу разделяют, как корову на ското-бойне! Я не хочу этого видеть!

Трухина не церемонилась и потрошила мою жену, как заядлый мясник, доставая оттуда маленькое тельце.

– Быстрее! – кричал Исая.

– Пошел на хер! – кричала Трухина в ответ. – Сам давай быстрее! Режь пуповину!

Я был уже не в себе, мне кажется, я терял сознание и слушал звуки, рисуя картины перед глазами. Я чувствовал напирющее онемение в груди – скорее всего, сломанные ребра повредили какой-то орган и открылось внутреннее кровотечение. Но мой мозг продолжал оставаться с Лейлой и сыном, вспоминая уроки первой помощи, что преподают военным. Среднее время прохождения крови по большому кругу кровообращения составляет около 25 секунд. За это время вирионы попадают в артерии, и кровоток несет их по сосудистым сетям ко всем органам и тканям человека, в том числе в пупочную вену плода.

У Светы есть всего полминуты, чтобы спасти моего сына, который не успел даже сделать первый крик в этом проклятом мире, а его уже хотят превратить в монстра.

Сумасшедший мир.

Уже на границе полусознания я увидел перед собой окровавленное лицо Трухиной, она присела передо мной и показывала кряхтящий сверток колючего шерстяного одеяла.

– Поздравляю, у тебя сын, – произнесла она голосом гробовщика.

Наша рота покидала Сольнок с потерями в количестве семерых солдат и одного гражданского лица. Мой верный Гризли так и не выбрался из того переулка, прикрывая мою спину до самого конца, пока Исая не прибежал на подмогу. Меня без сознания погрузили в Спартан-2, отвоеванный у наступающих кровососов немцами, чьей улучшенной экипировке я завидовал. Трое из них так и остались на том пяточке круговой развязки, выпотрошенные чудовищами. Оказалось, в битве с зараженными завидовать некому. У нас у всех одинаково трагичная участь.

Рота отходила к Западным румынским горам – к Клузу, где нас ждала надежда на светлое будущее.

Будущее, в которое я не хотел даже смотреть.

Будущее, в которое я привел сына.

Глава 2. Продолжай бороться

15 января 2072 года. 04:00

Тесса

В лаборатории в тусклом свете дневной лампы привычно жужжат инкубаторы для культивирования клеток. Пока человек спит, набираясь энергией на следующие сутки, эти механические помощники работают круглосуточно. Хотелось бы мне такую же вилку для розетки, как у них, чтобы работать двадцать четыре на семь. После того, как Кейн открыл мне безрадостный факт того, что я медленно превращаюсь в монстра, сон стал для меня непозволительной роскошью.

Но не бессонница – причина моего бодрствования в четыре утра, когда все остальные жители Бадгастайна пускают сопли в подушку. Я не сплю из-за вернувшихся кошмаров.

Подсознание ткет полотно сновидения лишь небольшим набором человеческих страхов. До заражения моими кошмарами были, разумеется, пирующие моим телом зараженные, прощание с родителями в то последнее утро, когда моя семья еще насчитывала четыре члена, иногда снился Полковник Триггер, который всегда наводил на меня депрессию своим фатализмом. Этой же ночью я увидела новый кошмар, порожденный не мною, а вирусом, который с каждым днем отвоевывает все больше пространства в моем мозгу.

Я очутилась в странном месте, заполненном белесым туманом. Оно казалось и реальным и призрачным одновременно. Необъятная вселенная, существующая на грани жизни и смерти. Я будто умерла и оказалась в месте, куда обычному человеку не попасть. Вот только этот туманный мир не приносил умиротворения, как обещают Библия, Коран или Тора. Все было с точностью наоборот – меня охватила тревога, потому что я чувствовала, что что-то здесь не так.

Абсолютная безвыходность из этого облачного болота заставляла задыхаться. Я растерянно бегала туда-сюда, отчаянно звала другие души потусить вместе, ведь переживать бесконечность в компании веселее, но все равно не достигала ни конца, ни края, ни чьих-либо ушей. Я могла воспарить или проваливаться сквозь туманную негу, но ни дна, ни потолка я не находила. Призрачный туман был вездесущ, без формы, без объема, без вкуса или запаха. Он был везде и в то же время был пустым.

Я не могла проснуться – пути странного мира держали меня так прочно, как когда пытаешься сорваться во сне на стремительный бег, а ноги не слушаются, словно застряли в тряпине. Я хотела умереть во сне, но и это было мне неподвластно. Я рыдала и кричала в пустоту «Довольно! Хватит!». Но не было никого, кто услышал бы меня. Я была одна в безграничной туманной пустоте.

И тогда я поняла, что это за место. Я поняла, почему из туманного болота невозможно выбраться. Почему эта бесконечность, в которой чувствуешь подвох и тревогу, не выпускает тебя из своей утробы. Это и есть проклятье человечества, в которое вирус заключает людей. Темница без окон и дверей, из которой не достучаться до реального мира, не докричаться до собственного мозга, который подчинился врагу, укравшему твоё тело. Вот, где все они обитают – люди, в чьи тела вселился дьявол. И пока он трансформирует их кости и потрошит их руками собратьев, запертые в бесконечном тумане небытия люди также, как и я, истошно вопят в никуда и молят выпустить их.

В этот момент я резко проснулась. А потом долго сидела в кровати и ловила воздух ртом, из глаз лились слезы, из глотки вырывались рыдания, как будто я кричала взаправду. Мне бы хотелось списать этот бред на излишне эмоциональные переживания и физическую истощенность, отчего мозг взрывается от избытка информации и выдает тухлый винегрет во сне. Но я была совершенно уверена в том, что это жуткое туманное место реально. По крайней мере,

реально настолько, насколько хватает границ квантового мира вокруг нас. Я чувствовала в том тумане людей, может, не видела и не слышала, но ощущала их присутствие.

Все до одного – они до сих пор пребывают там.

Мне понадобились полчаса и холодный душ, чтобы успокоить воспаленные вирусом нейроны мозга. Я была уверена, что этот жуткий кошмар, полный безнадеги и скорби – дело вирусной заразы, которая медленно готовит меня к переходу в это бесконечное туманное ничто. Я не умру. Как и Лилит, которая лежит в соседней лаборатории и привычно рычит. Она заперта во времени, в пространстве, не живая и не мертвая. Она застряла где-то посередине. Вся ее жизнь превратилась в блуждание в бескрайней серой мгле, проклятая чувствовать подобных ей и запертых в этом чистилище людей, пока вирус управляет их телами в реальном мире. Он не может отпустить людей к богу, иначе вся его армия превратится в безмозглых мертвецов. Но и позволить сознанию человека сидеть в физической оболочке тоже не может. Пограничное состояние человеческого сознания между жизнью и смертью – единственный способ для вируса существовать в теле человека.

Буддист был прав. Черт подери, он все это время был прав. Мы прокляты.

Я сижу в лаборатории Кейна, пока он спит (мне даже кажется, что я слышу, как сладко храпит эта счастливая сволочь), и изучаю экспресс-курс по вирусологии и генетике, чтобы глубже понять, что происходит со мной. Я не хочу возвращаться в тот беспросветный кошмар, где правит неизбежное отчаяние. Я не хочу провести там вечность, и потому цепляюсь за последние островки своей надежды.

– Неужели в тебе, наконец, проснулось любопытство исследователя?

Я дернулась от его внезапного появления. Заспанный Кейн стоял в проеме двери в черной водолажке и брюках, и тем казался нормальным чуваком, а не надменной гнидой, каким он бывает в белом халате.

– Во мне просыпается монстр, которого я не хочу выпускать наружу, – ответила я и вернулась к экрану ноутбука, где яркими красками сверкала ДНК моего убийцы.

Кейн лениво прошел к столу и сел рядом. От него приятно пахнет: чистым телом и детскими пеленками. Уж не знаю, откуда мне известно, как пахнут детские пеленки, но вирус раскрывает новые доселе неизвестные стороны моей неосознанной индивидуальности. С недавних пор, например, меня начала донимать идиотская галлюцинация – Робокон, плавающий по радуге в пластиковом стаканчике, в котором красит себе ногти на ногах. С таким бредом в голове я уже не удивляюсь странным мыслям вроде того, что Кейн вкусно пахнет.

– Если я тебя разбудила, извини. Я была уверена, что ты спишь, как пьяный Полифем¹⁴, – сказала я.

Тут раздался громкий мощный храп откуда-то из-под потолка. Я озадаченно взглянула на Кейна.

– Это Арси, – ответил он.

– Твою мать.

– Их компьютерная лаборатория прямо над нами.

Арси и Йонас вели круглосуточное наблюдение за периметром Бадгастайна, а также ловили сигналы с Желявы и других мест обитания последних остатков людей, как например бункер Валентин в Германии и подводная база Порто-Палермо. Гулкий храп Арси, который сотрясал бетонные стены, самоуверенно заявлял о том, что наше убежище под стопроцентной защитой.

– Мне все кажется, что я могу помочь тебе чем-то. Что у меня вдруг родится гениальная мысль, до которой ты не додумался, – произнесла я.

¹⁴ Полифем – циклоп из «Одиссеи» Гомера. Царь Одиссей выбрался из его плена, напоив циклопа вином и выколотив ему глаз.

Робокоп усмехнулся.

«Лучше расскажи ему, что представляешь, как он заплетает тебе косу и вы красите друг другу ногти», – произнес робот-полицейский, махая перед моими глазами кисточкой от лака для ногтей. Черт, я даже учуяла ее химический запах.

– Твою мать, Робокоп, свали уже из моих больших фантазий!

Я лишь спустя минуту поняла, что произнесла это вслух.

– Ты что, бредишь? – обеспокоенно спросил Кейн.

– Кажется, да. Меня стали донимать сумасшедшие галлюцинации, – выдохнула я.

«Эй! Я не какая-нибудь галлюцинация! Я личность!»

– Это нормально. Мозг человека по-разному реагирует на заражение, но почти всегда больной начинал бредить, – отвечает Кейн со свойственным ему реализмом.

– Да, но я уже второй час не могу сосредоточиться и читаю одну и ту же страницу из-за этого долбанного Робокопа в пластиковом стаканчике на радуге.

Кейн смерил меня озадаченным взглядом.

– Скажи, ты ведь его не видишь?

Кейн оглянулся и неуверенно замотал головой.

– Вот видишь? Ты галлюцинация! – сказала я роботу-полицейском.

На что он надрывно зарыдал.

«Ты бессердечная сука!»

Я замотала головой и махнула рукой.

– Смотри, – Кейн перехватил мышку из моей руки и быстро вывел из недр гигабайтов различные схемы ДНК. – Для создания противовирусного препарата мне необходимы три комбинации генов: те, что отвечают за прекращение выработки эритроцитов; те, что отвечают за изменение метаболизма; и те, что отвечают за подмену сознания. И если первые два компонента мы создали еще сорок лет назад, то третий компонент, отключающий человеческое сознание, представляет для нас настоящую проблему. Без полноценной сыворотки вирусный гомеостаз быстро деактивирует весь ее потенциал и возвращает все биологические процессы, протекающие в человеческом теле, в устойчивую зараженную норму.

Перед нами возникли уже знакомые цепочки ДНК, на которых подсвечивались разными цветами первые два вида комбинаций генов, измененных вирусом в человеческой ДНК.

– Почему полное отключение сознания является для вируса жизненно необходимым фактором? – спросила я.

– Вирус создал потребность в крови у человека, остановив выработку эритроцитов, но этого было недостаточно для его репликации, потому что вирус все равно был заперт в теле одной зараженной особи, ведь ему делали искусственное переливание. Тогда вирус решил отключить человеческое сознание, чтобы зараженного можно было контролировать. Лишь будучи одурманенным человек сможет напасть на себе подобного, тем самым передавая вирионы от особи к особи и продолжая жизненный цикл вируса.

– И как он это сделал? Как отключил сознание? – спросила я.

Мы смотрели на третью комбинацию генов, которая скрывала в себе сложнейшую загадку: как чужеродный организм смог стереть сознание человека?

– Для начала тебе нужно понять, что такое Я, – начал Кейн. – Что тебя определяет? Что тебя отличает от других?

Я ответила, не думая:

– Память.

– Верно, память – это твоя идентичность. Благодаря памяти, ты знаешь, кто ты такая, кем работаешь, кто твои друзья, что планируешь делать на выходных, что любишь, что ненавидишь. Вирус понял, что надо стереть память.

– И как это сделать?

Кейн демонстрировал разные изображения МРТ головного мозга, а я все нюхала его шею, надеясь, что он не замечает.

– Мозг – сложная конструкция, состоящая из иерархических групп сверхсложных гиперструктур нейронов, – Кейн продолжал объяснять. – Память прописывается сразу в нескольких нейронных сетях во всех частях мозга. То есть воспоминание – это возбуждение определенного набора нейронов, объединенных в одну сеть, но в разных частях мозга. Воспоминание о вкусном ужине затрагивает разные отделы мозга, например, корковый центр обоняний, затылочную долю со зрительным отделом и височную долю со слуховым. Отключить целые отделы мозга вирус не может, потому что зараженный не сможет без них охотиться. А значит стереть память он не в силах. Но он может контролировать способность человеческого мозга пользоваться памятью.

– Отключая нейроны, – следовала я за Кейном.

Он посмотрел на меня и улыбнулся. Я чувствовала себя не в своей тарелке, когда он смотрел на меня вот с таким вот довольным лицом, словно я-собака ему кость динозавра принесла. Я ударила его, если он почешет меня за ушком.

А может, не ударю, а попрошу еще.

Робокоп крутился на табурете возле дальнего стола и подначивал: «Оседлай его, сестра!».

Я мысленно шикнула на образ, понимая, что галлюцинации переходят все разумные пределы.

– Интересно, как это происходит? – спросила я, прервав наш затянувшийся глазной контакт.

– Что именно?

– Как люди теряли память? Как переставали осознавать себя?

Кейн задумался, а потом произнёс:

– Представь, как ложишься спать вечером.

«Он уже приглашает тебя в постель!»

Заткнись, металлический ублюдок!

Кейн запустил видеоролик с тремя разными электроэнцефалограммами.

– Эта принадлежит Лилит, я ее помню. А эти чьи? – спросила я.

– А эти принадлежат спящему и бодрствующему. Сравни их с Лилит, – сказал Кейн.

И я, как самая послушная ученица, сосредоточилась над заданием Кейна.

Ритмы Лилит были ровными и монотонными, как на энцефалограмме человека в фазе глубокого сна, скачки линий были синхронными, превращаясь в один дружный хор. На третьей электроэнцефалограмме была показана деятельность мозга бодрствующего человека, и его ритмы работали хаотично. Примерно такой же бардак, как у меня в голове с Робокопом, радугой и стаканчиком.

– Когда мы проваливаемся в фазу глубокого сна, нейроны в мозгу начинают работать синхронно. В состоянии сна сложные нейронные взаимодействия невозможны, а это – основное условие наличия сознания. Мы осознаем себя, когда нейроны работают в сложной многокомпонентной витиеватой системе взаимодействий. Нам нужен этот хаос, – Кейн показал на беспорядочные линии, – чтобы осознавать себя.

Кейн увеличил картинку.

– Получается, за время глубокого сна, – Кейн показал на дружный хор симметричных скачков в линиях спящего, которые удивительным образом походили на линии электроэнцефалограммы Лилит, – из нашей памяти пропадают целых восемь часов жизни. Мы не знаем, что мы делали в это время, как переворачивались, куда закидывали ноги, укрывались или скидывали одеяло. Мы, может, даже встали и пошли в кухню, чтобы выпить стакан воды, а потом вернулись обратно в постель. Наше тело жило само по себе. Нас в нем просто не было.

Я взглянула на Кейна, вспомнив свой кошмар. Нас просто нет. Получается, тело может жить без меня. Как это возможно? Как вообще природа допустила такое, что тебя могут просто выгнать из тела, как из автомобиля? Так по-садистски засунуть тебя в мир туманных грез, из которого нет выхода. Лилит сейчас там. Она даже не осознает, что ее тело лежит в плекси-гласовом боксе в гостинице «Умбертус» посреди альпийского Бадгастайна, когда не осталось больше людей на земле. Все это время она пребывала в том белесом нигде без границ, без света, без звуков, без вкуса и вообще без какого-либо проблеска жизни. Осознает ли она время в том нигде? Знает ли, что с ней произошло? Понимает ли, сколько времени прошло? Слышит ли остальных людей?

Кейн подвел меня к жуткой правде, на которую я не хотела смотреть, но пришлось.

– Электроэнцефалограмма Лилит – это электроэнцефалограмма спящего человека. Ее там сейчас нет, – Кейн указал на голографический видеоролик, донося до меня каждый миллиметр пугающего открытия.

– А теперь представь, что этой способностью человеческого мозга отключать сознательное и действовать бессознательно воспользовался некий вражеский агент, и пока Лилит была в отключке, он записал себя в ее сознание, подменил его, занял его место, и теперь ее сознание не может вернуться на свой прежний стул. Там уже сидит вирус.

– Кома от болевого шока, – вспомнила я один из этапов процесса превращения.

Кейн закивал.

– Сначала вирус выработал в человеке потребность в крови, потом стал модифицировать метаболизм, отключая органы. Трансформация породила нестерпимый болевой шок, который загонял человека в кому. Вирус насильно заставлял человека заснуть.

– И когда люди засыпали, он садился на пустой стул, – закончила я.

Кейн закивал, одарив меня грустной улыбкой.

– Как думаешь, где они – люди? – тихо спросила я.

Мне хотелось услышать научное объяснение своего кошмара. Кейну понадобилось время, чтобы собраться с мыслями.

– Я думаю, – начал он, – они нигде.

И сердце мое остановилось. Боже, как точно он это описал!

«Выходи за него замуж, детка!»

Пошел к черту!

– Вернее, нам сложно представить это место. Оно не конкретное. Ведь это просто своеобразное состояние головного мозга, когда вследствие нарушения электрических импульсов в нем не создается достаточное количество нейронных сетей, чтобы сформировалось полноценное сознание. Эти люди по-прежнему где-то там, в мозгах зараженных, просто они не осознают самих себя, как людей.

Мы долго молчали, просто сидя рядом друг с другом, наблюдая за пленяющим взор танцем вирусной ДНК, испещренной цепочками разноцветных нуклеотидов-бусинок, означающих смерть. Отнюдь не веселую, как может показаться от всей этой цветастой дискотеки. Это очень печальная смерть, обрекающая на вечное проклятье существовать где-то между мирами.

– А я ведь была там... этой ночью, – сорвалось с моих губ.

Я тут же дернула себя. Я не люблю делиться секретами, ведь душу нараспашку открываешь – слабые места преподносишь потенциальному врагу на блюдечке. Но внутренне мне хотелось поделиться с Кейном своими сокровенными страхами. Черт, да я все никак не могла перестать представлять, как мы друг другу косы плетем!

«О-о, уже слышен звон свадебных колокольчиков!»

Я пристрелю тебя. Я клянусь. Я понимаю, что ты не сидишь на том стуле, Робокон, но я сейчас достану винтовку и растерзаю в щепки этот стул!

– Я была там, где они заперты, – начала я, – там очень... тоскливо.

Мне не хватало слов, но я старалась описать Кейну место, в котором ему никогда не оказаться.

– В груди селится глубокая пустота, как когда теряешь кого-то очень дорогого. От этой пустоты не скрыться, не найти покой, потому что они не в силах это изменить. Все, что им остается – это смириться со своей беспомощностью и беспрестанно выть. И я так хочу вывести их оттуда. Я хочу дать им ориентир, на который они пойдут, как на свет маяка...

Кейн хмуро смотрел на меня, сложив руки у лица. Не знаю, понимал ли он меня, по крайней мере, очень старался. Он ведь никогда раньше не задумывался над тем, что происходит с людьми после комы. И только опыт с Лилит показал, что они не исчезают за долю секунды в никуда. Они как призраки остаются запертыми между жизнью и смертью и постоянно испытывают необъяснимый страх и тоску, которую не могут объяснить, потому что не помнят, кто они и что с ними случилось.

Я почувствовала, как Кейн дотронулся до моего плеча.

– Так вот, что он значит, – тихо произнес Кейн.

Он водил пальцем по моей татуировке, которую я сделала в день отбора в основной состав Падальщиков. Мое левое предплечье стало полотном для корабля, отважно пробирающегося через бушующие волны к слабому свету маяка на плече.

Вот так я сама выдала Кейну свою суть, открыла душу и отдала ему самый сокровенный секрет, через который мною можно манипулировать: я на все готова ради спасения невинных.

Я взглянула на Кейна и прошептала:

– Я не хочу возвращаться в тот туман.

И хотя я до последнего сомневалась в том, что Кейн сможет меня понять, он сделал то, что еще больше заставило мою душу ныть в безмолвном отчаянии.

Кейн положил свою ладонь на мою и крепко сжал ее:

– Я не отдам тебя, – уверенно произнес он.

И растрогавшийся Робоккоп залился слезами.

15 января 2072 года. 19:00

Маргинал

– За разжигание розни и расшатывание единства населения Объекта 505, за подстрекательство к бунтам, многочисленные попытки покушения на членов Генералитета, а также за участие в убийстве Генерала Исаяи Онвуатуэгву. Ксавьер Монро, Розали Новак, Андрей Зелинский, властью Генералитета приговариваем вас к смертной казни через расстрел. Приговор не подлежит обжалованию и должен быть исполнен немедленно, – зачитывает главный палач базы.

Трансляция казни первых бунтовщиков демонстрируется каждое утро и вечер, оказывая разное влияние на население. В ком-то пробуждает страх, ведь это первая в истории Желявы казнь за мятеж. В ком-то расстрел трех невинных людей пробуждает ненависть к устоявшемуся военному режиму на базе. А кто-то преисполняется ненавистью к настоящим затейникам бунта – расформированным Падальщикам.

– Видел, как расстреляли Монро? А он ведь ни при чем! Я собственными глазами видел его в инженерном блоке, когда твои братаны устраивали резню в штабе!

Сильный толчок заставил паренька в зеленой униформе впечататься в дверь шкафчика в раздевалке отрядов внутренней безопасности.

– Отвечай, когда с тобой разговаривают, урод!

Конечно, легко вести себя нахально и распускать руки, когда за твоей спиной стоят еще шесть крепышей, а цель у вас – один новобранец Падальщиков, который в отрядах специального назначения всего четыре месяца пробыл до того, как их расформировали. Он вообще не понимает, что к чему, он даже смысла значка Анх, который у него отобрали два дня назад, не

до конца осознает. Он просто знает, что шел в Падальщики, потому что хотел выбраться из подземелий и увидеть мир снаружи. А потом случился военный переворот, отряд Падальщиков упразднили, а солдат распределили между Назгулами¹⁵ и Големами.

Тех, кому не повезло, определили к последним. И, как оказалось, повезло немногим.

– Отстань от него! – крикнул малец шестнадцати лет, такой же худой и уязвимый как и его друг, ставший целью забияк.

Два худосочных паренька встали плечо к плечу, готовые дать отпор.

Голем, который прослужил в отрядах внутренней безопасности всего два года, считал, что уже имеет полное право занять верхний уровень в иерархии дедовщины. Он посмеялся над двумя пацанами, над которыми возвышался на целую голову, его шестеро товарищей стояли чуть позади и подначивали босса:

– Давай, задай им жару!

– Да! Покажи им, что значит быть Големом!

– Да ты же дунешь на них и они уже свалятся с ног!

– Ха-ха!

Парень ткнул пальцем в грудь первого пацана, потом в грудь второго и произнес:

– Топ и Гир. Что это за дурацкие имена?!

Пацаны хранили молчание, насупив брови и сжав кулаки. Они были готовы драться. У обоих на правых руках были татуировки, выполненные в едином стиле: спорткары в стремительной гонке, в которой окружение превращается в размазанные цветастые линии, потому что пилот сосредоточен на единственной миссии – первым дойти до финиша. Живым.

– Вы же ни хрена не понимаете! Вы всего пару месяцев, как военную форму получили!

– Совсем сосунки!

– Да они тут и недели не продержатся!

Главный Голем оскалился, чувствуя дразнящий зуд в кулаках.

– Но ничего, – произнес он, – отныне мы ваша семья, а мы в семье заботимся друг о друге. И для начала мы вас закалим.

Топ и Гир действительно были отобраны в Теслу¹⁶ всего полгода назад, они ни разу не участвовали в боях, и похвастать развитыми мускулами и выносливостью по сравнению с Големами не могли. Но в Падальщики отбирали не по размеру мышц, а по температуре сердца, в которой теплилась надежда.

На телеэкране демонстрируются кадры того, как трех человек, приставленных к стене, шестеро солдат в зеленой униформе со значком щита на груди расстреливают в упор. В отличие от красочных художественных фильмов времен Хроник на этих кадрах нет взрывающихся фонтанов крови и вываливающихся кишок. Три мертвеца с бледными лицами, но гордыми взглядами полными слез и веры в смысл жертвы во имя правды просто сползают по стене на бетонный пол. Картинка обрывается. Такова реальность. Она бескрасочная. И она куда болезненнее фильмов.

На фоне бодрого голоса диктора новостей из Отдела пропаганды, объявляющего о том, что повтор трансляции расстрела будет показан завтра утром, семь парней в той же зеленой униформе пинают ногами лежащих на полу раздевалки подростков, которым не повезло.

Я наблюдаю за тысячами картинок с мониторов, где рассортированных по отрядам бывших Падальщиков подвергают ежедневным избиениям, унижениям и просто травле. Господь сюда уже не вернется. Прошло сорок лет с конца света, а человек так и не изменился. Люди

¹⁵ Назгулы и Големы – в предыдущих частях книжной серии «Падальщики» объяснены эти клички. Назгулами зовут солдат отрядов видеонаблюдения. Големы – солдаты отрядов внутренней безопасности.

¹⁶ Тесла, Маяк, Васаби, Бодхи, Бесы – названия отрядов специального назначения (Падальщики)

продолжают получать наслаждение от насилия. Стать зараженными монстрами – самая верная участь для них.

Человечество не переживет вымирание, они слишком слабы, чтобы войти в новый мир в прежней форме. Если они хотят продолжать свое существование, они должны подчиниться вирусу, который делает их сильнее, быстрее, выносливее. Он уподобит их машинам, подчиняющимся лишь своим инстинктам, прописанным в генетическом коде, как компьютерный алгоритм – четкий, однозначный и безошибочный. Машинам, которыми они стремились стать. Ведь разве не для этого они тысячелетиями удовлетворяли свои низменные потребности: насыщали желудки до отвала, смотрели глупые развлекаловки по телевизору, занимались беспорядочным сексом? Вся жизнь человека до Вспышки сводилась лишь к тому, чтобы угодить своему необъятному прожорливому эго, рост которого не знал конца и края. Они сами отказались от своего будущего, стремясь насытиться настоящим, предпочтя пищу физическую пище духовной. Они приблизили свою духовную смерть, как к тому и стремились, а потом в ужасе отпрыгнули от того, что нашли в конце избранного пути.

Два часа спустя маленькие ножки ступают по бетонному полу с такой скоростью, что кажется, будто девочка вот-вот запутается в своих широких хлопковых штанинах и упадет. Но, похоже, они с детства принаровились к их свободным одеяниям, потому что до сих пор ни один из бывших жителей деревни не променял свои льняные и хлопковые туники до колен на практичную поливискозную одежду Желявы. Удивительным образом чужеземцам до сих удавалось сохранять свою диковинную самобытность, которая вызывала разную реакцию у жителей Желявы. Кто-то им сочувствовал после резни в деревне, кто-то воспринимал недоверчиво, кто-то видел в них врагов и даже соперников за пропитание. Но большинство видело в них паломников, забредших на земли, которые покинул Господь.

Деревенщин приняли с распростертыми объятиями, как посланников с поверхности, кажущейся загадочной и недостижимой. Они прожили там всю жизнь, не прятались под землей, как люди на Желяве, а смело бросали вызов смертельному вирусу, каждое утро просыпаясь посреди лесов заразе назло. В них видели героев. В них видят свет, что жаждут уже сорок лет. Я было поддался всеобщей эйфории от новых времен, ожидающих людей на подступах, но потом произошло то, что снова вернуло мне веру в недостойность человека ходить по земле.

На Желяве произошел военный переворот.

В очередной раз человек доказал миру то, что мир уже давно понял о нем: люди умеют только разрушать, и им не место здесь. Человек должен сгинуть в нескончаемом процессе эволюции и позволить другому виду воспользоваться шансом на жизнь.

Ложь, которую распространяет Отдел пропаганды Генеральского штаба льет бальзам на мою веру в мерзость человеческих существ: отряды специального назначения убили Генерала, желая занять его место.

Никогда еще Падальщики не вызвали к себе столько ненависти, как сейчас. Они воспользовались отчаянностью людей и обманули их доверие, выдав Триггеру лидеров среди мятежных масс. Ксавьер Монро, Розали Новак и Андрей Зелинский – первые жертвы нового этапа правления каннибалов. Полковники прочесывают ряды в поисках пособников бунта среди населения, многие уже гниют в тюрьмах: кто-то заслуженно, а кто-то по ложному доносу, лишь потому что надоел соседу, которому понравились твои шерстяные носки.

Каждый день я бурно рукоплещу товарищу Триггеру, который безупречно играет роль наставника, разочарованного своими воспитанниками. Он ежедневно записывает видеопослания для населения, в которых говорит о том, что сама идея существования отрядов специального назначения претерпела крах, ведь они, ослепленные своей избранностью, посягнули на мироустой базы ради высокомерной гордости за самих себя. Отважные элитные войска возмнили себя богами, раз могут бесстрашно расхаживать на поверхности. Полковник Триггер

оплакивает смерть своего старого друга, с которым они стояли у истоков создания Желявы, и покорно подчинится воле народа, если его изберут для ношения генеральского мундира.

Браво!

Я снова и снова восхищаюсь его мерзостью и фальшью, отсчитывая дни до роковой даты, когда последняя крупница гнили будет уничтожена. Вопреки слепой самоуверенности Триггера, вопреки бесстрашным намерениям Падальщиков, все это время судьба Желявы находилась в моих руках.

Девочка-подросток резко сменила бег на шаг, опустила глаза, еще глубже нырнув за стену из длинных каштановых волос на лице, и всеми силами старалась превратиться в невидимку. Когда двое мускулистых Големов в своей узнаваемой зеленой униформе со значком щита на груди и дубинкой на поясе прошли мимо нее, она обрадовалась, что ее чары невидимки сработали, и снова прибавила шаг.

Триггер пока не сообразил, что самыми эффективными партизанами бунтарей на базе являлись дети, которые разносили запрещенную информацию по всем углам Желявы, как мелкие клопы, медленно заселяющие каждую щель в полу. Алания сделала верную ставку, возложив на жертвенный алтарь детей. Ее натура открыла доселе невидимую ни для кого холодную расчетливость, граничащую с откровенной жестокостью. Алания отчаянно пытается вырваться на поверхность, и даже дети для нее не являлись ничем иным, как пешками на черно-белом поле.

Сопrotивление сторон набирает обороты, а мой палец завис над заветной кнопкой, которая покончит со всей этой смрадной преисподней человечества, где сильный по-прежнему пожирает слабого, жадность и деспотизм цветут, как будто Вспышка и не уничтожила девяносто процентов населения земли, мораль продолжает медленно загнивать, а человек противится перерождению.

Девочка продолжала свое паломничество к заветному месту встречи. На ходу она вытащила из кармана туники желтое яйцо-Тамагочи, понажимала несколько кнопок и довольная спрятала его обратно.

Я теперь частенько наблюдаю за этой храброй девчонкой. Честно признаться, только благодаря таким детям, как она, я продолжаю наблюдать за спектаклем, заинтригованный бесстрашием нового поколения. Они не похожи на своих предков. Они иные, потому что растут в совсем других условиях.

Возле аварийной двери, ведущей в тюремный блок, стоял Голем. Девочка остановилась. Охранник с большой черной родинкой на щеке размером с огромного таракана лишь мельком взглянул на несовершеннолетнего визитера, огляделся по сторонам, потом указал девочке кивком на красный мигающий глаз Желявы под потолком, пристально наблюдающий за передвижением каждого микроба в воздухе.

Через пару секунд лампочка на видеокамере слежения погасла, тогда Голем снова кивнул девочке, ловкими движениями набрал код на двери, замки щелкнули, и девочка вбежала внутрь, как шустрая белка в дупло. Голем взглянул на камеру, спустя три секунды та снова начала мигать красным глазом.

Девочка уже знает маршрут. Она выучила его по картам, что добыли солдаты-пособники бунтарей. Одолев длинный коридор, отважная девочка открыла дверь ключ-картой, которая носила в складках одежд, и кодом, что выучила наизусть.

Тюремный блок. Узкие бетонные одиночные камеры с решетчатыми дверьми выстроены в ровные линии, как шеренги солдат. Тусклое освещение, запах влажной земли, лужи на размоченном бетонном полу, смрад фекалий и снующие туда-сюда вездесущие крысы – вот уж кому суждено жить вечно, и никакой вирус не сразит, ни метеоритный дождь, ни радиация.

Девочка быстро перемещалась вдоль рядов, выискивая знакомые цифры, и через минуту уже стояла возле своего хозяина.

– Принесла? – спросил знакомый голос.

Девочка кивнула, смотря на своего покровителя во все глаза, и протянула желтое яйцо сквозь металлические прутья камеры.

Тормунд взял Тамагочи и со всей серьезностью впился взглядом в черно-белый экран, на котором играли пиксели.

– Аппетит в норме, поспала хорошо, настроение позитивное, общение удовлетворено... – анализировал он.

А потом, наконец, вернул яйцо девочке.

– Неплохо. Смотри у меня! Если с Акирой что-то случится, пинком с базы выкину! – пригрозил он пальцем.

Девочка замотала головой. Она даже не осознавала, что Тормунд-то из камеры вряд ли когда-нибудь выйдет.

– Я за ней ухаживаю! – залепетала она.

– С сестренкой что? – грозно расспрашивал наставник.

– Прилежно учится. Вчера получила высший балл за контрольную по ботанике!

– Смотрите у меня там! Чтоб после учебы сразу в отсек! Ни с кем не разговаривать вне школы! И тем более не дрочиться с уродами!

– Что значит «дрочиться»? – пролепетал тоненький наивный голосок.

– Фунчоза! Ей всего двенадцать! – шикнула Хай Лин.

– Я в ее года уже весь свой отсек перетрахал! – огрызнулся Тормунд.

– Что значит «перетрахать»?

– Ладно, Шишка! Что передала Долбалалания? – Тормунд перебил девочку, оставив ее любознательность неудовлетворенной.

Тормунд присел перед старшей сестрой, которую звали Каришка и имя которой он наверняка забыл, потому что ему проще звать обеих просто Шишками.

– Фидель и Маркус затаились из-за расстрела.

– Какого расстрела?! – воскликнул Тормунд.

В ту же секунду все камеры в крыле оживились, пленники приникли к решеткам дверей и прислушались.

Каришка громко сглотнула.

– Ксавьер, Розали и Андрей, – голос у нее сорвался, и она заплакала.

– Суки! – выругался Тормунд.

– Твою мать!

– Уроды конченные!

Послышались вздохи со всех камер.

– Но мы ведь на это и рассчитывали. Что они отвлекут внимание от Фиделя и Маркуса – истинных главарей мятежником, – произнесла Ольга.

– Я на это не рассчитывал! Я рассчитывал на то, что мы Совет блоков создадим, а не будем в тюрьме ждать своей очереди на казнь! – воскликнул Тони.

Двухметровый чернокожий бывший командир бывшей Теслы с белесыми шрамами, называемыми фигурами Лихтенберга, нервно зашагал по камере.

– Теперь и разницы нет, что Маркус с Фиделем живы. Мы-то здесь! А мы единственный боевой отряд на стороне мятежников! – встала Хай Лин.

– Бывший боевой отряд, – напомнил Ноа. Бывший командир отряда Бодхи, чье тело разрисовано надписями на санскрите.

– Что с Долбалаланией? – спросил Тормунд, возвращаясь к Каришке.

– К Алании приставили охрану, ее никуда не выпускают из спального отсека, кроме как на работу, – лепетал тонкий голосок.

– Пусть там и сидит!

– Она спрашивает, что нам делать дальше?

Тормунд некоторое время молчал: брови нахмурены, губы поджаты, глаза бегают из стороны в сторону. Наконец-то его безумие начинало уступать животному страху перед собственной смертью. Они все чувствуют, что им осталось недолго. Все, кто заперт в этом ряду клеток, чувствуют приближение кончины.

– Пусть не высовывается. Надо подождать хотя бы пару дней. Потом посмотрим.

Каришка тяжело вздохнула.

– Теперь давай, дуй отсюда! И чтоб осторожно! – наказал Тормунд и потеревил девчонку по макушке.

– Ты же вернешься к нам? – вдруг пролепетала девочка.

Тормунд замялся. Остальные в камерах притихли.

– Ты обещал защищать нас. Ты ведь сдержишь обещание? – снова прошептала девочка.

Тормунд ухмыльнулся.

– Конечно! Вот только придумаю способ пройти через стены тюрьмы и сразу рвану к тебе!

Каришка довольно улыбнулась. Она не понимала сарказма.

– Я буду ждать! – лицо ребенка сияло.

А Тормунд не посмел разбить ее надежду. Ведь он – Падальщик, а Падальщики это неумиряющая надежда.

– Вот, это анальгин, – она протянула тряпичный сверток с пилюлями сквозь решетку.

А потом развернулась, и ее след простыл.

– Чего мы этим добьемся? Мы не сможем ничем управлять из-за решетки, – раздался голос из соседней камеры.

Ноа сидел на бетонном полу и в свойственной ему буддистской манере гладил огромную крысу, повадившуюся выпрашивать у него крошки соевого брикета, что заключенным приносили раз в день. Крыса быстро дрессировалась и уже знала свое имя – Ратнабхадра, что в переводе с санскрита означало «великолепная прелесть». Буро-серая шкурка была грязной и местами выдрана клочьями после драк с сородичами за еду или территорию. Своим потрепанным видом она метафорично дополняла Падальщиков, искромсанных недавней заварушкой. Торс и плечи ребят были испещрены гематомами – вмятины в броне от пуль наносят нехилые повреждения мягким тканям.

– Мы должны хотя бы следить за обстановкой на базе, – возразила Ольга-командир Бесов, чью скулу пересекал длинный шрам с запекшейся кровью – пуля чудом прошла вдоль лица, не прошив череп насквозь.

– А смысл? У нас нет контроля.

– Предлагаешь впасть в состояние «сомати»? – буркнул Тони, чья камера располагалась напротив камеры Ноа и который больше остальных возражал против антисанитарных игр с крысами.

– По крайней мере, не рисковать жизнями девчонок и Алании, – Хай Лин заняла сторону Ноа, который еще в детстве стал ее неофициальным братом, названным ей благодаря стечению разных обстоятельств: и прискорбных и не очень.

Несмотря на возражения Полковника Триггера, притворно разъяренного смертью Генерала, с которым он, видишь ли, прослужил сорок лет бок о бок, Хай Лин все же оказали первую помощь – бронебойная пуля прошла сквозь защиту и пробила ей лучевую кость, и теперь ее рука была в гипсе и подвязана в треугольную косынку, а сама Хай Лин мучилась от дикой боли. Разумеется, никаких обезболивающих им не положено. Как и милосердия.

– Они сами вызвались навещать нас. Тем более, в охране есть наши люди. Риск минимален, – прокричала Бриджит, чья камера граничила с Тони.

Ей досталось хуже остальных: гематомы расплылись по торсу, плечам и ногам, она не могла стоять, едва ли могла сесть, не вскрикнув от рези в мышцах, и все то время, что она

провела в камере, она продолжала неподвижно лежать на полу, мучаясь от ноющих болей по всему телу. Големы набивали ее свинцом остервенело, когда увидели, что она помогла Калебу скрыться.

Когда же я увидел ее доблестный акт самопожертвования ради выживания Калеба, как она толкнула того за дверь, а потом под градом пуль избивала электронную панель кода доступа, чтобы выиграть ему еще пару минут на побег, мне впервые за долгое время подумалось, что, возможно, я поторопился со своими роковыми выводами. Медленно умирающая во мне вера в чистоту человеческой души вдруг затлела, как потревоженный ветром уголек в потухшем костре. Но потом Триггер со своими лживыми речами и кровожадными намерениями казнить невинных людей, которых он сам же и подставил намеренно, вылил ведро ледяной воды на остатки жара в моем костре человечности, который отныне потух навсегда.

Человечеству суждено сгнить в этих бетонных стенах, и я не могу им помочь, потому что они сами не хотят помощи, продолжая междоусобицы даже на грани вымирания. Человеческую сущность не изменить за один день, лишь потому что самые brave из людей того хотят. И к сожалению, отважные герои, как Бриджит обратятся в прах вместе с трусами и злодеями, просто потому что их слишком мало для спасения человечества.

– Да уж. Для них риск минимален. Чего не сказать о Калебе...

– Опять начинаешь?

– А я и не заканчивала!

Началась очередная перепалка между Хай Лин и Бриджит, которая вспыхивала каждый раз, когда эти две львицы расходились во мнении хотя бы на наномиллиметр.

Хорошо, что их камеры разделяла камера Тони, иначе два инвалида проломили бы стену между друг другом и сцепились в рукопашную, несмотря на боль.

– Как ты могла отправить его на поверхность?! – Хай Лин снова запела свой речитатив, ставший уже привычным за последние два дня в заточении.

– Повторяю: я не знала, куда нас вел Маргинал! – Бриджит привычно психанула в ответ.

– А спросить не пробовала?

– Уж извини, что мы были заняты, пытаюсь спасти собственные жизни!

– Хреново пыталась, если Калек теперь на поверхности, окруженный зомбаками! Его могли сожрать до потрохов! А может, он стал одним из них!

– А чего ты так печешься о нем?! Неужто и на Калеба течешь?

– Да пошла ты!

– Что, член Фунчозы наскучил?

– Я оторву тебе твой поганый язык!

– Давай, давай! Попробуй! Шизофреничка хренова!

– Я придушу тебя, сука конченная!

– Мозгов не хватит, как и у твоего отца, – подначивала Бриджит.

Хай Лин всегда бесилась, когда безумие ее отца приписывали и ей. А Бриджит всегда тянула за эту болезненную струну. Хай Лин заорала и с разворота вмазала ногой по решетке, отчего та сотряслась на петлях. Но в тот же миг девушка скрючила гримасу боли и прижала травмированную руку к груди, словно пыталась остановить импульс нервных окончаний, устремившийся в мозг, как доносчик-шестерка: «А ей больно! Ей должно быть больно! Она только что дернулась! Сделай ей больно!».

– Я пуцу тебе кишки, лесбиянка херова! – Хай Лин глушила боль разъяренным матом.

– Психопатка!

– Шлюха отсосная!

– Дегенератка узкоглазая!

– Весь Маяк – сборище лузеров! Только и умеете, что командиров один за другим терять!

– А Васаби – комитет профессоров на факультете мудачья!

Было смешно наблюдать за тем, как они подначивали друг друга, мучаясь от болей: одна – неподвижно лежа на полу, вторая – хватаясь за руку в повязке. Сойдись они сейчас на ринге, ни одна бы и полминуты не продержалась, за то бахвальства хоть занимай.

– Девки, да заткнитесь уже, а! Как напрягает это ваше кудахтанье над Калобом! – Тони вздохнул и нервно зашагал по камере.

Его было жалко больше всех: по краям женщины с вечным предменструальным синдромом, впереди псих, целующийся с крысой.

– Мы сидим в клетках! Падальщики расформированы! Триггер подсчитывает количество жителей, которых собирается пустить в расход! А вы все своими вагинами меряетесь! – ныл он.

– А что мы можем сделать отсюда?

– Давай предложи умную мысль, ты же у нас мозговитый!

Насколько быстро эти две мегеры могли сцапаться друг с другом, настолько же быстро могли объединиться, чтобы уничтожить третьего. Воистину женщины – изобретение Дьявола.

Пока девки продолжали наполнять мрачные углы подземелья матом и угрозами, Тормунд равнодушно вытащил пару таблеток из кулька и проглотил, а потом передал Ольге, сидящей в соседней камере.

Кулек с анальгетиком передавался из рук в руки. Когда сверток перекинули Тони, он протянул пару таблеток Хай Лин. Она смерила их презрительным, но в то же время желанным взглядом, а потом ответила:

– Лучше отдай их вытраханной Жижке.

– Мне от тебя подачки не нужны! – тут же раздался ответ Бриджит, хотя в ее голосе проскользнули нотки мольбы о сочувствии.

Ей было гораздо хуже остальных, представьте, что по вам проехался каток, от ноющих болей она даже спать не могла.

– А это не подачка! Я их все облизнула!

– И что с того?

– А у меня герпес! Приятного аппетита!

– Ну ты и сука!

И все же Бриджит приняла двойную дозу от Тони.

Едва сверток с таблетками был опустошен и спрятан в трусы, послышался звук открывшихся дверей. Заскрипели металлические петли, потом громкий хлопок, отчего ребята сразу вскочили с пола – стало ясно, что кто-то решил наведаться в тюремный блок. Новый жилец? Или посетитель?

Ни первое, ни второе. К ним пришла смерть. Даже Бриджит привстала на локтях, узнав громоздкий силуэт.

Крайслер в сопровождении четверых Големов медленно вышел из-за угла. Рядом с двухметровым Полковником Крайслером шел всеми ненавистный майор Триггера – Корвин, от которого вечно разило потом и предательством.

Крайслер с каменным лицом, на котором навечно запечатлелась маска хладнокровного убийцы, был облачен в зеленые камуфляжные брюки и штурмовую куртку из плотной ткани рипстоп с армированной нитью. Униформу Полковника покрывают тефлоном и специальной огнестойкой и водоотталкивающей пропиткой, но даже несмотря на столь плотный костюм, рельефы его могучих мышц проступали, как сквозь капрон. Крайслер напоминал искусственно накаченного киборга, чьи мышцы проработали до предела так, что лопаются кожа. Крайслер воистину казался бессмертным. Лысая голова с выпирающей поперечной мышцей затылка заставляли фантазировать над тем, что он и мозг свой прокачивает железом, а разбитый всмятку нос демонстрировал следы десятков переломов. Избитый Рафаэлка, сидящий где-то в соседнем ряду клеток с остальными сержантами, в нынешнем состоянии напоминал молодую версию Крайслера в процессе жестокой и кровавой закалки, ведь Крайслер тоже когда-

то был двадцатитрехлетним сержантом. Он даже когда-то пацаном был и в штаны коричневые массы клал с вдохновением художника, вот только это представлялось с трудом – настолько Крайслер был далек от чего-то милого, невинного и безобидного. Поэтому в пропагандистских комиксах, которые распространяются на Желяве подпольным образом, Крайслер был рожден скалой: холодной, бесчувственной, железной. И бесконечно глупой.

Пленники следили за Крайслером осторожными взглядами, стараясь не терять бесстрашие перед его легендарной и огромной фигурой, но у них это плохо получалось. Их взоры выдавали нотки страха где-то оттенками, где-то мазками, где-то легким шлейфом; но страх был везде. Полковник мастерски владел искусством наведения страха, как и причинения боли, он лучше остальных знает, как быстро человек может отказаться от собственных принципов, веры и даже отречься от детей под натиском боли. Боль стала его лучшим другом, на которую можно положиться, которая никогда не ошибется и которая будет служить тебе до конца времен, покуда человек обладает нервной системой и ноцицепторами.

– Полковник! Мы не убивали Генерала!

– Молчать! – взревел Крайслер в ответ на возглас Тормунда.

Резиновая дубинка в широкой мускулистой руке Крайслера врезалась о решетку камеры Тормунда с такой мощностью, что изогнулась чуть ли не пополам. Стены всего тюремного блока задрожали.

Наступила тишина. Гнетущая. Зловещая. Предсмертная.

Эхо разъяренного низкого баса разлетелось по всем углам блока, скрытым во мраке чистилища, где пленники томятся в ожидании суда. Его громкий возглас словно объявил о визите бога в это угрюмое место. Бога, который повелевает судьбами здешних обитателей: этого убить, тому дать время на размышление, вон того ко мне на пыточный стол, а этот будет гнить здесь вечно. Крайслер в здешних местах всесилен – вот, что он пытался донести до обреченных пленников, которые не смели посягнуть на его власть в этих стенах. Пленники всегда теряли рассудок перед Крайслером, это стало аксиомой.

Вот только он никогда не имел дела с солдатами из Падальщиков. Особенно с Тормундом, который всегда чихать хотел на субординацию.

– Да хрена лысого я буду молчать!

Привычный голос Тормунда с толикой безумия и шепоткой контроля над мышцами языка познакомил Крайслера с первой особенностью спецотрядов, которыми Падальщики просто кишат, как тюремный блок – крысами.

– Как ты думаешь, мы попали в генеральский отсек? Откуда у нас были коды? А ключ-карта? Триггер нам все дал! – выпалил Тормунд.

Безумие подсказывало ему, что терять уже нечего: расстрел сегодня, или завтра, или через неделю, но он обязательно свершится. И ироничным образом теперь не от красноречия Триггера зависело отсрочивание смертного приговора Падальщикам, а от трезвости Крайслера, который должен провести расследование убийства своего лучшего друга. Эта затея обещает быть запутанной и опасной, потому что Триггер приложит все усилия, чтобы склонить Крайслера на свою сторону. Ситуацию ухудшает еще и то, что Крайслер никогда не испытывал любовных чувств к спецотрядам. Они его раздражали своей избранностью, несмотря на то, что все это время он выживал благодаря ресурсам, что Падальщики тащили с поверхности.

– Мы нашли тех солдат, которые слили вам код доступа и предоставили ключ-карту для входа в Зоны, – произнес Корвин.

Его сильный голос и щербинка между зубами в целый палец раздражали Падальщиков на уровне рефлексов.

– Дай угадаю, Триггер их нашел! – выплюнул Тони.

– В данный момент мы привлекаем совместные усилия для поиска ваших пособников по всей территории...

– Нет у нас пособников! Он всегда был только один! Это был Триггер! – перебила Хай Лин Корвина.

А дальше заключенных было не остановить.

– Крайслер! Подумай же сам! Как мы могли повернуть это все в одиночку без помощи сверху?

– А карты Зон? А видеопокрытие? Нас прикрывали!

– Мы в арсенале полчаса запасались боеприпасами! Хочешь сказать, Трухина этого бы не заметила?

Пленники перебивали друг друга.

– Мы уже обнаружили ваших заговорщиков в Зоне Bravo, они понесут...

– Ой да заткнись ты, сифозная подстилка! – Тормунд перебил Корвин.

– Полковник! Видеокамеры на наших костюмах! Посмотрите записи!

– Но вы намеренно не включили их, чтобы не оставлять доказательств собственной причастности к убийству Генерала, – Корвин продолжал лить ложь изо всех щелей.

– Разумеется, вы все подчистили! А совесть свою подчистить сможешь?

– Шлюшка-Калев постоянно у Триггера торчал! Думаешь, они там в любви друг другу признавались? Триггер наши планы одобрял!

– Да! Проверь визиты Калеба к Триггеру!

– По всей базе подслушивающих устройств как тараканов напичкано, неужели у Триггера их нет?

– Задайся же вопросом, почему!

Наконец, Крайслер не выдержал гама голосов и заорал:

– Заткнулись все!

Станным образом его басовитый яростный рык всегда под корень обрубал любой гомон в помещении, как дезинсектор. Казалось, что даже крысы застыли в изумлении, словно приказ Крайслера и на них распространялся. Бедняжка Ратнабхадра так испугалась, что забилась в карман брюк Ноа и спряталась под его рукой.

Крайслер развернулся в коридоре так, чтобы всем заключенным по обеим сторонам коридора было видно выражение его лица.

– Касательно командира Маяка, – начал он медленно, – мне откровенно наплевать на его причастность к мятежу, потому что он уже труп. Надеюсь, зараженные отменно полакомились его кровью!

Бриджит зажмурилась, сдерживая слезы и жуткие картины перед глазами, которые родились в ответ на реплику Полковника, которая вполне вероятно оказалась недалекой от реальности. Дальнейший разговор ей был уже неинтересен: личная потеря больше всего боитесь конца света.

– А раз трупами мне заниматься неинтересно, то все свое внимание я сосредоточу на вас. Уж поверьте!

Никто не произнес ни слова.

– Расследование уже ведется. Все трое арестованных лидеров повстанцев перед расстрелом сознались в том, что помимо них в заговоре участвовали и другие лица, – продолжал Крайслер.

– Под твоими пытками грех не признаться, – фыркнул Тормунд.

Крайслер медленно подошел к решетке самого языкастого. Его тень легла на Тормунда, как надвигающаяся смертельная волна цунами. Тормунд чуть отпрянул. Крайслер даже без физического тела демонстрировал свое превосходство.

– Скажи спасибо, что я их пытками не убил. Скажи спасибо, что я сразу не убил тебя, и твою подружку, и твоего громилу-сержанта, и всех вас остальных!

С этими словами Полковник осмотрел каждого заключенного за решеткой. Его голос снова набирал обороты.

– Приказ о расстреле должен быть подписан всеми Полковниками! Две подписи уже есть, не хватает лишь моей. И я вот настолько близок, чтобы ее поставить! – снова кричал он, сжимая указательный и большой пальцы.

В блоке царила тишина.

– Но я отдам должное Генералу. Я почти его память верой в им же созданный уклад, который все эти сорок лет спасал наши задницы от загнивания на базе! Я почти его имя, которое вы все осрамили своим предательством! Я почти человека, который спас вам жизни и которого вы в благодарность убили! Своими ли руками, поспособствовали – мне неважно! Я уважу его честь верой в справедливый суд! И потому, и только потому (!) я проведу расследование!

Заключенные переглядывались между собой, понимая, что расследование лишь оттянет их казнь. Триггер не позволит оставить их в живых, ведь они – не просто живое доказательство вины Триггера в смерти Генерала, они еще и сверкающая надежда для людей вернуться на поверхность, чего Триггер ни за что не допустит.

– Полковник, пожалуйста, не верьте Триггеру. Не ради нас и не ради Генерала. Не верьте ему ради себя самого. Вы теперь остались один на один с демонами, – произнес Ноа, пряча в ладонях Великолепную прелесть.

Крайслер сверлил Ноа долгим взглядом, полным ненависти. А все потому, что как бы он ни старался, но Падальщики яснее остальных видели ситуацию, сложившуюся в Генералитете. Четыре десятилетия неизбежно прокладывали границы между старожилками-вояками из-за созревающих мировоззрений, преследующих одну цель, но так явственно разнившихся в методах ее достижения. Генерал видел спасение людей в совместных усилиях сильных и слабых, и это мнение поддерживал Крайслер. Триггер же с Трухиной всегда норовили сместить ценности Генерала в сторону сильных, именно эти двое становились инициаторами законов о сокращенных витаминных добавках для немощных жителей, они продвигали идею гуманных смертельных инъекций для тех, кто по каким-либо причинам – старость или инвалидность – не мог приносить пользу обществу Желявы.

И теперь, когда Генерал мертв, Крайслер остался один на один с живодерами Триггером и Трухиной, прекрасно осознавая, что при первой же возможности эти двое избавятся от Крайслера, как от гнилого зерна в элеваторе. В Крайслере крепче остальных засели семена Генеральских принципов, волею судьбы ставшие презренными в глазах Триггера. И сейчас ему следовало вести игру очень аккуратно, как вести машину по узкому мосту над ущельем – одно неверное движение, и он труп.

Для того Крайслер и явился этим вечером в тюрьму – проверить свои выводы на прочность. И как оказалось, его тревожные умозаключения имели все шансы на то, чтобы оказаться реальностью. Удивительным образом ненавистные ему отряды специального назначения озвучили его сомнения вслух, они были одного с ним мнения, и теперь Крайслер думал, раз Генерал души не чаял в Падальщиках и вознес их чуть ли не до статуса богов для последних остатков человечества на земле, то возможно, Крайслеру следует принять и эту истину, в которую верил Генерал? Даже если эти предатели косвенно виноваты в его смерти.

Отчаянные попытки Корвина оспорить доводы Падальщиков в свою защиту лишней раз убедили Крайслера в том, что здесь ведется нечестная игра. И вопрос в голове Крайслера, который не переставал мучить его ни во снах, ни наяву, это: хватило бы Триггеру дерзости отстаивать свои ценности, жертвуя собственными старыми друзьями, типа Генерала?

Когда звуки шагов и металлического лязганья дверных замков обозначили уход Полковника из тюремного блока, оцепенение отпустило бывших солдат.

– Триггер не позволит ему оправдать нас, – произнес Тони.

– Само собой.

– Он же не идиот.

– Далекое не идиот.

– Нас все равно прикончат.

Заключенные снова возвращали свои тела на холодный бетонный пол, отдаваясь в объятия томительного ожидания смерти.

И снова часики на бомбе затикали в такт обратного отсчета. А когда они не тикали?

16 января 2072 года. 10:00

Куки

Не знаю, что там происходит между Кейном и Тесс, но их уединения в лаборатории уже третий день ни для кого не проходят бесследно. А для Божены не бессимптомно. Она уже четвертой зубочисткой ковыряется в зубах с таким видом, словно обещает вонзить каждую из них в глаз Тесс.

– Божена, а можно этим заниматься в туалете? Ты так громко чавкаешь, словно у нас здесь верблюд завелся! – взмолился поваренок Свен.

– Пошёл в жопу, – холодно ответила Божена.

– Кто-то сегодня не в настроении...

– Кто-то уже третий день не в настроении, – подмигнул Фабио Ульриху в ответ на его комментарий.

Оба спрятали свои улыбки в тарелках с переваренной овсяной кашей, продолжая переглядываться и кивать в сторону ревнивой фурии.

– Да отстаньте вы от нее, – Малик встал на защиту коллеги.

Той было наплевать и на шутки, и на попытки ее защитить. Она продолжала сосредоточенно жевать зубочистку, разглядывая заснеженные ели за окном ресторана, и разрабатывать план по расчленению Тесс.

– В самом деле! Может, Божена из Китая. Там надо было чавкать в знак того, что еда вкусная. Чем громче, тем лучше! – поделилась Хайдрун любопытным фактом. Она у нас вечная заступница за мир во всем мире.

– Точно! Божена – панда! Вот, откуда твое лицо мне знакомо! Из документалки Дискавери!

Божена продолжала беспристрастно ковырять зубочисткой меж зубов и чавкать, пропустив между ушей шутку Арси.

С одной стороны, мне жаль, что она перестала быть для Кейна ассистенткой номер один, но с другой стороны поделом ей. С ее королевской заносчивости давно пора спесь сбить.

– Так ты расскажешь нам, чем эти двое занимаются в лаборатории? – спросил Томас Малика.

– Опытами по восстановлению репродуктивной функции...

– Да хватит уже! – Томас огрызнулся на Фабио.

Ему тоже не нравилась идея того, что его сестренка, возможно, сдружилась с Кейном на уровне бедер. И я не знаю, почему. То ли потому что мы воспринимаем Кейна, как бездушного эгоиста, и Тесс могла найти себе партию получше. То ли потому что мысль о том, что твоя младшая сестренка – потаскушка – мерзкая сама по себе.

– Нас не посвящают, – ответил Малик, стараясь казаться равнодушным, но у него это плохо получалось, потому что Тесса и его сместила с роли ассистента Кейна.

В общем, ревность прочно поселилась в гостинице с того момента, как Тесса ворвалась в наш маленький меланхоличный мир с намерением всех нас спасти. И знаете что? У нее это получалось!

Признаюсь честно, после того спектакля три дня назад, когда Лилит узнала на фотографиях в кулоне своих детей и разревелась, мы все как пришибленные ходим. Я никогда не воспринимала зараженных, как людей. Странно, да? Вся теория Кейна в том и заключалась, чтобы из зараженных сделать людей обратно, мы все согласились с ней, но сами-то еще ни разу не

представили итог. А он вот тут, прямо под одной с нами крышей – Лилит почти вспомнила себя, вирус не позволил ей пройти дальше к своей человечности, поставив подножку и снова затащив в свои беспамятные объятия. Но Лилит там. И от этого на груди так тяжело! Как же ей должно быть страшно там! Вот только где это там? И как ее оттуда вытащить?

Все это время Малик с Боженой работали в биохимической лаборатории и делали для Кейна анализы клеток мозга Лилит. Большого им не позволяли. Малик обижался на Кейна из-за того, что тот избрал Тессу своим первым помощником. Что-то про ее интуицию он сказал, мол, она помогает в экспериментах. Что это за загадочная интуиция и почему только Тесса ею обладает, нам не говорят.

Мне и не нужно. Мне нравится Тесса. Она сделала нас лучше. С ее приходом в наших упорядоченных размеренных жизнях началась беспрестанная дискотека, в которой я все больше и больше перестаю что-либо понимать. Столько новых фактов открылось, столько безумных затей мы осуществили!

Каждую ночь я стараюсь отвлечь Малика от обиды на Кейна, и скажу вам, у меня чертовски хорошо это получается. Может, он и прирожденный исследователь, но я – прирожденная развратница. Я сделаю все для парня, которого люблю. А Малика я люблю всем сердцем! Вот и сейчас мысли о нем, о его голом торсе, прижимающемся ко мне, о его горячем языке, облизывающем мою шею, заставляли биться мое сердце все быстрее.

Внезапно что-то ударило меня в лоб.

– Ай! – вскрикнула я и потеряла место ушиба.

Передо мной на столе лежала печенка в виде лося, которые сегодня испек Свен. Этими лосями можно гвозди забить. Но мы, как всегда, расхваливаем стряпню нашего безнадежного повара и макаем лосей в чай, а потом долго и упорно сосем.

– Ты чего? – выругалась я на Хайдрун, которая запустила в меня железным копытным.

– У тебя слюни по подбородку текут. Хватит смотреть порно прямо перед нами.

Мы сидели в ресторане и завтракали всей компанией.

– Оно же в мыслях!

– Зато эрекция в реальности, – Хайдрун указала на мои соски.

Я смущенно закрыла свои набухшие вишенки. Малик рядом усмехнулся, я потупила глаза.

Вдруг на лестнице послышались быстрые шаги, и в столовую вбежала взволнованная Тесса.

– Завтрак окончен! Дел много! – бросила она в своей привычной командирской манере.

– И тебе доброе утро, – мы поприветствовали ее вразнобой.

Хайдрун радостно помахала ей, Ульрих послал воздушный поцелуй, немой Миша отдал честь. Но Тесс не разделяла нашего позитива. Впрочем, как и всегда.

– Вы оглохли? Если хотите наконец узнать, что раскопал Кейн, всем бегом в лабораторию! – повторила она на этот раз тоном, не терпящим возражений.

Мы тут же побросали ложки и стаканы и сорвались с мест.

– Не отставай, панда! – крикнула Арси Божене.

Та неторопливо вытянула пятую зубочистку и мысленно выжгла на ней имя нашей хакерши с дредами. А потом любопытство все же взяло свое, в следующую минуту она уже бежала в наших рядах в лабораторию, двери которой наконец открылись для нас.

Кейн приветствовал нас в лучшем расположении духа, чем обычно, хотя было видно, что он невообразимо устал.

– Доброе утро. Пожалуйста. Проходите. Рассаживайтесь, – приветствовал он детишек в учебном классе.

– Привет, Лилит!

– Как поживаешь, Лилит?

С того момента, как нам стало известно о том, что Лилит по-прежнему человек, просто где-то глубоко спрятанный в этой чудовищной оболочке, мы стали чаще разговаривать с ней. Она, конечно, не особо говорливая и на все наши реплики рычит в ответ, но все же мы больше не могли воспринимать ее как безмозглую зараженную особь. Она лежала в плексигласовом боксе с головой, оторванной от остального тела искусственно вызванным параличом, но ее это ничуть не смущало.

Наверное.

Я оглядела ее с ног до головы и поняла, что мне срочно надо сделать ей маникюр и педикюр. А то проснется и ужаснется своим гигантским когтям. А у Хайдрун возьмем одно из ее платьев в стиле бохо, Лилит подошел бы зеленый цвет – как у сочной летней травы на альпийских лугах вокруг нашего отеля.

Мы собрались вокруг голографического экрана, который уже демонстрировал какую-то непонятную чертовщину, от которой мне спать хочется. Я в этих делах больше на Зелибобу похожа: просто скажите, куда бежать и где копать. Избавьте от излишних научных терминов.

– Итак, – начал Кейн, – хочу вас всех поблагодарить за ваши усилия. Потому что впервые за последние сорок лет мы сдвинулись с мертвой точки!

Мы все тут же радостно переглянулись и заулыбались. Хайдрун захлопала, Ульрих снова послал Тессе воздушный поцелуй, Миша отдал честь.

Мне не верится! Неужели это все? Неужели мы закончили лекарство? Неужели третий компонент сработал и сыворотка готова? Неужели мы спасем Лилит и всех остальных?

– Итак, как вы помните, для создания антивирусного препарата мне необходимы три комбинации генов: те, что отвечают за прекращение выработки эритроцитов; те, что отвечают за изменение метаболизма; и те, что отвечают за подмену сознания. Мне наконец удалось понять, каким образом вирус деактивировал сознание человека, а это означает, что мы сможем закончить сыворотку!

Мы хором из шестнадцати голосов выдохнули, некоторые даже возвели глаза к небесам. Воистину мы ждали этого момента много лет.

– И что теперь? Кол в сердце, отрезать башку? Чеснок, кресты... Как нам победить этих кровососов? – Перчинка готова была ринуться в бой.

– Не все так просто, – сосредоточенно произнес Кейн.

Он вывел перед нами изображение человеческого мозга, в котором загорались яркие светлячки, а между ними тянулись голубые нити, создавая запутанные сети.

– Это вязание крючком «Ажурный узор номер пятнадцать»? Я видела его в «Рукодельнице» за июнь двадцать девятого!

Мы все с недоумением посмотрели на Хайдрун. Кейн продолжил, сделав вид, что не расслышал ее.

– Вирус не отключает части мозга, как и не блокирует работу нейронов. Он отключает целые нейронные сети мозга. Объясню, как.

Картинка с мозгом, внутри которого плелся «Ажурный узор номер пятнадцать» из нейронных сетей, ожила, и теперь мозг вращался так, чтобы мы рассмотрели всю эту серебристо-голубую вечеринку в трехмерном изображении.

– В две тысячи семнадцатом году нейробиологи из Швейцарского института в рамках исследовательского проекта «Блю Брэйи» применили в изучении работы мозга алгебраическую топологию и пришли к удивительному открытию¹⁷. Они нашли в мозге многомерное пространство, которое формируется порядка восьмидесяти шестью миллиардами нейронов. Тогда нейробиологи создали компьютерную модель неокортекса – это самая последняя сформировавшаяся в ходе эволюции часть мозга, которая как раз и отвечает за сознание и восприятие.

¹⁷ <https://hightech.fm/2017/06/13/brain-dimensions>

Так вот, в работе компьютерной модели исследователи увидели, что связи, в которые объединяются нейроны, создают многомерный геометрический объект. Сначала эта связь выглядит как линия, потом она становится двумерной плоскостью, типа доски, потом кубом и так далее. Они формируют сложные фигуры с несколькими измерениями. И самое большее число измерений – одиннадцать.

Мы наблюдали за видеофильмом, в котором демонстрировалась эта теория. Внутри мозга виднелись яркие серебристые нейроны, а между ними, как провода, тянулись голубые связи, по которым бегали огоньки. Мы наблюдали за тем, как в мозгу сначала активировались два нейрона с одним проводом, потом их стало четыре, как плоский четырехугольник, потом связи принимали объем, и мы уже смотрели на кривой куб, и дальше вся эта конструкция быстро разрасталась: соседние нейроны загорались и добавляли новые измеримые плоскости.

– То есть вирус блокирует связь между нейронами? – уточнил Томас.

– Именно. Нейрон не может быть основной измерительной единицей мозга, потому что нейроны отмирают по разным причинам, но это не значит, что мы тут же забываем, как держать ложку или заново учимся ездить на велосипеде. За нашу память отвечают целые сети. Когда один нейрон выходит из строя, сеть подключает к себе другой нейрон и продолжает функционировать.

– Что все это значит? Деятельность нейронных связей по-прежнему сохранена, но человек не может ею воспользоваться? – спросила Божена.

Которая наконец оставила пытки зубочисток и влилась в общую думающую массу.

– Именно. Вирус просто перезаписал их программу. Внедрил в них некоего блокировщика сигналов на генном уровне и каждую секунду, даже сейчас, продолжает рьяно отслеживать любые попытки человеческого сознания вернуться. Я уверен, что, когда зараженный видит нечто очень дорогое для человека, как например фотографии детей для Лилит, комбинации нейронных сетей активируются, вспыхивают, как мы видели это у Лилит под воздействием сыворотки на энцефалограмме. Заряды импульсов по-прежнему возникают, просто они не доходят до ядра нейронов – вирус блокирует их.

– Ты сказал на генном уровне? – переспросил Томас.

– Именно. Малик, Божена, все эти три дня вы занимались расшифровкой ДНК нейронов Лилит, и благодаря вам мы определили вирусные генные комбинации, которые срабатывают, как блокировщики, – Кейн довольно улыбнулся.

Внимание! Кейн улыбнулся!

Божена тут же расправила плечи и взглянула на Тесс так, как боксер, победивший на ринге, смотрит на противника: мол, это была хорошая игра, спасибо, но ты лузер!

– И как вирус контролирует нейронные связи? – спросил Томас.

– При помощи все той же алгебраической топологии. Он понял ее. Как вы помните, нулевые пациенты превращались девять месяцев, и все это время вирус ковырялся в их мозгу, он изучал его и вычислял. Это поразительно!

Кейн был так воодушевлен, что аж чуть не прыгал. Конечно, я бы разделила его энтузиазм, если бы победа вируса не означала тотальное вымирание человечества. Но видеть Кейна в азарте ученого после его привычного меланхолического и бесстрастного существования с нами в одних стенах было действительно очаровательно.

– Он прописал всю эту информацию в гены. Он создал целую программу, блокирующую связи в одиннадцати измерениях. Вот она.

Мы увидели хромосому с ярко подсвеченными одиннадцатью промежутками. Кейн приблизил их, чтобы мы увидели цепи нуклеотидов, которые горели ярким синим цветом.

– Вот в этих частях ДНК прячется наш блокировщик, – прокомментировал Кейн. – От самого меньшего набора генов, которые блокируют возникновение связей между двумя ней-

ронами, до самого огромного, который блокирует связи, возникающие в одиннадцати измерениях.

– Это невероятно! Вирус что, написал своего рода искусственный интеллект?! – Ульрих даже рот открыл от удивления и потрогал голографическую картинку, желая прикоснуться к чуду.

«Он взял за основу наш интеллект и создал его копию», – нарисовал немой Миша в воздухе свои магические знаки.

– Погодите, ребят, – вставила Перчинка, – тут что-то не клеится. Согласно твоей теории, зараженные могут обладать всеми одиннадцатью измерениями человеческого сознания и фактически могут быть такими же умными, как мы. А если это так, то они бы нас всех уже давно истребили. А вы сами видели, что они там далеко не такие сообразительные, как описывает твоя теория. Вспомните хотя бы ИКЕЮ.

– Ты совершенно права, Перчинка, – наконец-то у Кейна были ответы на все наши вопросы. – Не все они обладают активными одиннадцатью генами. У Лилит, например, их всего три. Остальные восемь пусты. Слово вирус оставил там потенциал, который сможет использовать при дальнейшей мутации. Ему необходима человеческая кровь, чтобы его наращивать. Если Лилит обратит человека в зараженного, то вирус ее формы мутирует в новом человеческом теле и новообращенный будет иметь меньше пустот и больше вирусного интеллекта. Зараженный от Лилит будет умнее нее. Вирус совершенствуется, передаваясь от человека к человеку.

– Значит, поначалу, они все были тупые? – предположил умный Зелибоба.

– Именно. И по видеозаписям Хроник это ясно видно. Они брали нас массовостью, а не смекалкой.

– Но сегодня зараженным нужно быть сообразительнее, чтобы выкорчевывать нас из-под земли, – вставила Тесса.

– И поэтому вирус совершенствует свое сознание, – Томас продолжал мысль.

– Ну и до каких пор он будет совершенствоваться? Может, он вообще скоро шахматным гением станет! Когда он уже прекратит выпендриваться? – спросила Арси.

– Умнее человека он не станет. Этот вирус – поразительная форма жизни. Он приспосабливается ровно к тому виду, который хочет поработить. Если у человека существует одиннадцать измерений сознания, вирус ровно столько и создаст. Если бы мы имели пять уровней сознания, он остановился бы на пяти. Мутировать дальше ему нет смысла.

– Значит, сорок лет назад вирус уже создал в своем геноме одиннадцать генов, отвечающих за отключение сознания, верно? – Малик начал подводить итог.

– Именно.

– И в течение сорока лет он их постепенно активировал от зараженного к зараженному.

– Именно. Он растит свой интеллект поколениями зараженных.

– Активация всех одиннадцати генов – это его конечный гомеостаз, который теперь мы должны скопировать, чтобы получить третий компонент?

– Именно.

– Так давайте его копировать! Чего мы ждем?

Мы все тут же закивали, соглашаясь в нетерпении с Маликом. Тесса и Кейн переглянулись. Не понравился мне этот взгляд, словно они договаривались вместе нажать на кнопку в черном чемоданчике.

– В этом-то вся проблема, – ответил Кейн.

– Ну конечно!

– А куда ж без нее?

– А когда нам все легко давалось? – вздохнули мы разношерстным хором.

– У Лилит всего три заполненных гена. Нам не хватает восемь блоков с информацией, – пояснил Кейн.

– И что делать?

– Искать их у других зараженных, – ответила Тесса.

Несколько секунд в лаборатории царила тишина. А потом бомба-таки взорвалась.

– Вы с ума сошли?

– Опять их ловить?

– Ты спятил?

– Я увольняюсь!

– Я на это не подписывался!

Мы бунтовали единодушно. Хайдрун больше не хлопала, а маниакально жевала волосы. Ульрих больше не слал поцелуи Тессе, а скорее грозил упасть в обморок от ошеломления. Миша дергал бороду. Божена нацелила на обоих кончик зубочистки и, воспользовавшись оглушительным гамом, обещала пустить Тессе кишки. Я сама была охвачена яростью, а факт того, что эти двое спелись, бесил еще больше, словно они объединились специально для того, чтобы нас мучить.

Возмущение длилось минуты две, а потом стало угасать по мере того, как мы принимали суровую правду. «Закон обратного усилия»¹⁸ предстал перед нами во всей красе: чем больше мы пытались сопротивляться неизбежному, тем сильнее оно было нужно нам.

На наших лицах читалось обречение.

– Хотите вы или нет, но без этих недостающих частей генома, создание полноценной иммунной сыворотки невозможно.

С этими словами Кейн посмотрел на Тессу. По выражению ее лица было ясно, что она с идеей о новой охоте уже три ночи подряд спит, как я сплю с Маликом. Разница между нами была лишь в том, что я спала с обаятельным мускулистым страстным парнем, а она – с уродливой опасной и неотвратимой затеей.

– Хорошо, – неожиданно произнес Свен, – хочешь еще зараженных? Будут тебе зараженные.

Вот так неумеха-поваренок поставил точку нашему нытью, как и нашим же мечтам о вкусном завтраке.

Мы снова отправляемся на охоту.

17 января 2072 года. 07:00

Калёб

Я больше не чувствую пальцев рук, про ноги вообще молчу. Заряда моего костюма даже в энергосберегающем режиме хватило всего на три дня. Сегодня пошел уже четвертый день моих скитаний на безжизненной ледяной поверхности, которая встретила меня шквалом опасностей, словно человек никогда и не бродил по этим краям, а сама планета вообще непригодна для человеческой жизни.

Зато рай для зайцев и прочих малоклеточных, потому что зараженные охотятся только на человека!

Серьезно? Ты настолько зла на нас, гребанная вселенная? Ну подумаешь, истребили восемьдесят процентов животных видов за пятьдесят лет индустриализации! Подумаешь, опустошили водные ресурсы мирового океана на три четверти всего за сорок лет интенсивного рыболовства! Подумаешь, взорвали пару атомных бомб, а утечки с разрушенных ядерных станций окропили радиацией тысячи квадратных километров!

¹⁸ Закон китайского мудреца Лао-Цзы, согласно которому, Когда мы – истерически – хотим чего-то одного, мы получаем ровно – наоборот

«Да, вашу мать. Я настолько зла на вас, идиоты!»

В моей голове все чаще звучат фантастические диалоги между мной и природой, богом, умершими людьми. У каждой стороны свои претензии, а поскольку у меня отсутствует собеседник, то мне самому приходится отстаивать правоту каждой из сторон, и все это выливается в спор с самим собой. Я один раз даже заигрался и дал себе пощечину от имени озонового слоя, который мои предки истончили парниковыми выбросами. Я медленно схожу с ума в своем одиноком путешествии по враждебной земле, где за каждым стволом дерева прячется угроза.

Первая опасность – холод. Температура опустилась до минус шестнадцати по Цельсию, а сегодня передвижение осложнил снегопад. Если бы мне пришлось блуждать по лесам в феврале, меня бы похоронило уже через два часа после выхода из базы. Хотя кто знает, может, по этим лесам до февраля и догуляю.

Я иду и иду, продолжаю делать шаг за шагом по сугробам, иногда увязаю в них по самый пояс, но продолжаю идти, потому что движение – это жизнь. Как только я остановлюсь, тело перестанет вырабатывать энергию, а значит организму нечем будет согреваться. Знаете, кто я? Я маховик Халила, который механическую энергию превращал в тепло аккумуляторов, когда Халил на том странном велосипеде педали наяривал.

Ох, не слушайте меня. Говорю ж, я конкретно спятил.

В зимнюю экипировку Падальщика встроены согревающие пластины, но они тратят слишком много заряда аккумуляторов, поэтому я включаю их на самую малую мощность только по ночам во время сна, а днем же согреваюсь движением. Я останавливаюсь только когда пикает датчик движения, засекающий всякую живность размером больше белки. Как вы понимаете, останавливаюсь я практически на каждом шагу!

– Возьмите снайперскую винтовку, сержант. Там, куда вы направляетесь, она понадобится.

Сукин ты сын, Маргинал! Ты ведь изначально знал, что тащишь меня на поверхность! Серьезно, чувак? Это единственное безопасное место, что ты нашел для меня? Если я когда-нибудь выберусь отсюда живым, я найду этого невидимого помощника и затолкаю его в принтер Горе-Федора, на котором он протеиновые батончики печатает!

Ну хоть про винтовку сказал и на том спасибо, потому что я пользуюсь ею постоянно! Пока электросистемы костюма работали и сигнализировали радарами и датчиками о движении в окрестностях, я следил за всякой живучей тварью в этом бесконечно белоснежном, плотном, холодном и опасном лесу. Зараженные встречались часто, все в спячке, моего запаха, скрытого под толщей экипировки, им не хватало для пробуждения. Он не интенсивен: я один, к тому же защищен угольными подкладками, подшитыми к броне – они служат для фильтрации моего человеческого запаха. Обнаружив вражескую группу, я брал в обход, чтобы увеличить радиус до моих потенциальных убийц. Я приноровился различать в прицеле их неподвижные синевато-белесые тела на фоне бесконечного снежного пейзажа, это непросто. Но с практикой пришло умение, а с умением пришел опыт.

И вот теперь, когда датчики замолкли и все, что у меня осталось в наличии – это мои органы восприятия: слух, зрение, нюх, интуиция, я словно научился различать зараженных, даже не видя их. Выстраиваю логикой примерные позиции их спячек что-то по памяти, что-то сам прикидываю, но пока что удача улыбалась мне.

Сплю я на деревьях, хотя помню из курса выживания, что можно вырыть нору в снегу, но не рискую. Помимо зараженных, тут водятся хищники типа волков, а еще мародеры, если им вдруг до сих пор удавалось оставаться в живых. Когда солнце уходит за горизонт, в лесу вообще ни зги не видно, а ночи зимой ой какие длинные! Я взбираюсь на толстые ветви сосен или дубов примерно на три метра над землей, выбирать надо обязательно пушистые деревья, чтобы затеряться в ветвях, еще нарежу их своим армейским ножом, обложу вокруг, как навес,

подвязываю себя тросом к стволу и так и засыпаю. К слову, спится отлично! За день перехода я выбиваюсь из сил настолько, что меня срубает, едва я глаза закрою.

Протеиновые батончики из НАЗа¹⁹ экипировки спасают от голода. Я съел один. Осталось еще три. Это значит, что скоро я неизбежно столкнусь с тем, что помимо попыток согреться и оставаться невидимым для врага, мне нужно будет заботиться о пропитании. Охотиться нельзя. Костер не разжечь. Зараженные удивительным образом научились распознавать присутствие человека по пролитой крови и огню. Часто вспоминаю Тессу, которая всегда задавала вопрос:

– Если мы считаем их примитивными машинами для насыщения голода, как же они научились распознавать человека по результату его деятельности?

Ох, Тесса. Как же я скучаю по тебе. Мне не хватает тебя. Не хватает по-настоящему. Как тогда. Восемь лет назад. Когда ты была так близка.

Я засыпаю с мыслями о Тесс. Всегда только Тесс. Чаще всего перед глазами стоит картина того, как зараженный вгрызается ей в шею, а я оставляю ее умирать в той деревне. Как будто ее призрак уже почувствовал мою скорую гибель и бредет по моим следам, ожидая, когда я наконец сдамся в руки костлявой. Как бы я хотел, Тесс. Как бы я хотел снова оказаться рядом с тобой.

Но я не могу.

На базе остались мои друзья, наши с тобой друзья, Тесс, и им нужна помощь. Им всем светит расстрел, я в этом даже не сомневаюсь. Возможно, их уже убили за эти четыре дня, пока я пытаюсь выжить здесь. Возможно, мой стимул уже давно канул в Лету, и все мои попытки спасти их стали бессмысленными. Но я не знаю наверняка. А я – Падальщик, а Падальщики – это вечная надежда.

– Мне хочется верить, что мы избранные. Наверное, в это верит каждый человек?

Тесса сидит рядом со мной, наши ноги висят над «ямой», где Маяк отрабатывает симуляцию: зараженные окружили их в лесу прямо возле того дерева, на котором я сплю.

– Главное – не просто верить, главное – что-то делать, – отвечаю я.

Внизу ребята продолжают отрабатывать тактику перекрестного огня, прикрывая друг друга. Станным образом зараженные все до одного превратились в Триггера. Десятки копий седовласого ублюдка.

– Ты доволен тем, чего ты достиг, Калев? – спрашивает Тесса.

Я пристально смотрю на нее. Ее татуировка на всю левую руку причудливым образом ожила: одинокий корабль качался на высоких волнах, а в туманной дали ярко сверкал огонь маяка.

Глядя на нее, я отвечаю:

– Я так и не получил желаемого.

– Значит, продолжай бороться.

Ее шепот выпроваживает меня вон из сновидения. Я не знаю, был ли этот разговор между нами наяву когда-нибудь или нет, но это неважно. Я знаю, что мне еще рано сдаваться.

Я еще несколько минут трачу на то, чтобы отогнать сон, потом поочередно начинаю разминать затекшие конечности: правая стопа, левая стопа, правая щиколотка – пару оборотов, левая щиколотка – так приятно ею поворачивать, потом колени с трудом сгибаются, правое даже скрипнуло пару раз, напоминая о растяжении связок, которое я получил во время одной из тренировок. Холод – это ж такая штука – все твои болячки пробудит, даже те, о которых ты уже позабыть успел. Шея – эрогенная зона во время выживания посреди ледяного царства, я разминаю ее долго и тщательно, главное – хорошо разогреть сосуды, они станут эластичными, и тогда кровь будет поступать в мозг интенсивнее, я начну думать быстрее.

¹⁹ Неприкосновенный аварийный запас, набор выживания. Как правило, это отдельно упакованный минимальный набор инструментов, материалов, продуктов питания, лекарств и т. п., носимый человеком на случай непредвиденных ситуаций.

Точка фэн-фу²⁰, как говаривал Буддист, одна из основных в акупунктуре, поскольку не прикрыта костью и если сильно постараться, то, нажав на нее, можно потрогать свой мозг. Я никогда не пробовал, а вот Фунчоза частенько почесывал свой мозг отверткой через эту точку, и его психопатия — еще одна причина, по которой я не собирался искать мозг через фэн-фу.

Я окончательно проснулся минут через пять, после самомассажа даже почувствовал себя бодренько, мои руки творят волшебство, и никакой девчонки не нужно.

Я посмеялся. Вот и еще один признак умопомешательства: теперь меня зовут сам-шучу-сам-смеюсь-Калеб, как одного из солдат в Маяке. Этого следовало ожидать спустя четыре дня скитаний в одиночку, когда компанию тебе составляют лишь сонные бобры и призраки друзей.

Я вытащил алюминиевую фляжку из кармана, немного отпил воды. На вкус она странная с частичками земли или камней, отдает каким-то металлом, может, даже волчьей мочой, но в ней определенно есть что-то, чего в ней быть не должно. Это снег. Я набираю его во флягу и жду, пока растает. Сырой снег есть нельзя — ангина обеспечена, к тому же он снижает температуру тела, что отнимает драгоценные капли энергии для перехода. Вот было бы здорово, если бы у меня был велосипед Халила и тот двухметровый маховик с аккумуляторной бочкой! Хотя всю эту бандуру ни в жизнь с места не сдвинешь. Да и посреди леса все это странно был смотрелось.

Потом я откусил протеиновый брикет — еще одна дрянь на вкус. Хотя если быть точным, то вкуса у этой дряни нет, зато у нее есть нужные для меня калории. Чертова энергия. Я постоянно думаю о ней, как будто я робот на батарейке. В условиях выживания все твоё тело превращается в набор химическо-биологических реакций, которые двигают стрелки на внутренних часах организма. У меня очень мало этого невидимого времени.

Тут вы должны спросить: куда несёт твою тупоголовую башку?

Тупоголовая башка.

А так вообще бывает? Башка она же вроде и есть голова. Не обращайтесь внимание, говорю ж, я спятил еще вчера. Я спятил еще восемь лет назад, когда в Падальщики пошел!

Ну так вот. Возвращаясь к вашему вопросу, который я сам себе задал, потому что я тут один и диалоги мне нужно вести за обе стороны. Куда я бреду? Почему я не попытался пробраться внутрь Желявы обратно?

Во-первых, этот гребаный псих — Маргинал — который уже восемь лет играет в невидимку, так и не вышел на связь в последующие два часа, что я прождал у того пня. Возможно, Трухина сообразила, что кто-то взломал ее РАБов²¹, и теперь рьяно отслеживала попытки Маргинала проложить мне путь обратно на базу. Крайслер меня как девственницу хочет, и Трухина ему с удовольствием мою душонку в расчлененке подаст! Я не стал рисковать.

Ну а во-вторых, пока я бегал-прыгал, пытался согреться, сумасбродная идея пришла мне в тупоголовую башку.

Аякс Бодхи. Его кто-то включил.

Почему-то это воспоминание никак не выходило из головы: Антенна с Вольфом показали мне мигающую точку потерянного в деревне Аякса, которая вот-вот была, а потом пропала. Сбой? Очень странный сбой, который произошел ни с того ни с сего. В этом мире случайностей не бывает. У всего есть причина, как и следствие. И возможно, сбой Аякса стал результатом игрищ все тех же бобров и волков, которые ссут на мой снег. Но даже если и так, у меня будет

²⁰ Точка фэн-фу — одно из самых уязвимых мест человеческого тела, расположена под затылком в точке, где оканчивается голова и начинается шея. В этом месте проходят нервные окончания, ведущие к большому затылочному и подзатылочному участку мозга, тут же находится центр малого артериального круга, образованный двумя крупными подводящими артериями, снабжающие мозг кислородом и другими питательными веществами.

²¹ РАБС — Роботизированные Автоматические Боевые Системы — турели, охраняющие периметр подземной военной базы Желявы. Жители Желявы ласково зовут их РАБы.

Аякс! Бронь посреди леса! Аякс это вам не домик в деревне, это целый танк, и выживать в нем можно гораздо успешнее, чем кажется на первый взгляд.

И вот представьте, что я решил наплевать на Желяву, где меня ждет расстрел, и отправиться в опасное приключение, ценой которого может стать моя жизнь, только для того, чтобы проверить, как там поживает перевернутая вверх тормашками БМП, в которой срет бобер. В свою защиту напомним вам, я спятил еще восемь лет назад, когда решил в Падальщики податься.

Честно признаться, куда бы я ни пошел, меня везде смерть поджидает, и я устал ее бояться!

Я прохожу порядка тридцати километров в день, больше – нереально, хотя летом можно делать марш-броски и на пятьдесят километров – тренировка Падальщиков воспитывает в нас потрясающую выносливость. Но зимой все осложняют сугробы, в которых оседаешь в двадцати шести килограммах экипировки. Если бы я не двигался, то так бы и потонул в снегу, как терминатор с большим пальцем вверх. Я одолел порядка девяносто километров за прошедшие три дня. До деревни, с которой начались все наши несчастья, причем не только несчастья самих деревенщин, но и несчастья желявцев, еще двести километров. Назад дороги уже нет, осталось одолеть всего две трети пути – я держусь за эту идею, как за край скалы, пока под ногами пропасть воеет пустотой и смертью. В деревне я смогу найти пропитание, подзарядить костюм, если вспомню, как Халил работал с тем маховиком, смогу отоспаться на матрасе, черт возьми!

С трудом я отвязываю себя онемевшими пальцами, которые уже не отогреваются и кажутся мне чужеродными отростками. Чтобы узнать о степени переохлаждения тела, достаточно периодически сводить указательный и мизинец, если они сводятся с трудом, значит ты скоро превратишься в снеговика. Благо, мое тело еще противостоит холоду. Пока есть силы, надо поискать морковку для носа.

Я скрутил трос и засунул его в карман экипировки, а потом начал слезать с дерева. Ох, как же все болит! Я даже покряхтел немного, как старикашка, а когда спрыгнул на землю, не сдержался и пукнул. Хорошо, что зараженные не вычисляют нас по газовому результату нашей деятельности.

Я снова сверился с компасом, выбрал направление в сторону деревни, а потом замер.

Я прислушивался долго. Очень долго. Задействовал все свои рецепторы восприятия, чтобы заметить необычное движение ветра, услышать чересчур быстрые шаги, учуять запах гнили, которыми пахли уродцы. Потом снял винтовку с плеча и через прицел обследовал каждый миллиметр в округе, выискивая подозрительное движение веток и кустов, а может, и сами силуэты спящих убийц.

Чисто.

Я снова потянулся из стороны в сторону, размял поясницу и продолжил свой путь к Голгофе.

Нет, Тесс. Я еще не все дела закончил на этой земле.

И да, Тесс. Я продолжаю бороться.

Глава 3. Не забывай, кто ты есть.

18 января 2072 года. 10:00

Томас

Тесс не в порядке.

Я вижу это по ее глазам. Лопнувшие сосуды залили белки красным цветом, а под глазами синие впадины – все это можно было бы объяснить усталостью и недосыпом, если бы она была простым человеком. Но она такой же зараженный мутант, как и все мы. И если вирус в нашем организме подстегивает регенерацию, то почему она работает во всех, кроме Тесс?

Ее навязчивые попытки избежать смотреть на меня, как если бы она боялась, что я прочту ее мысли, подвели черту под решением задачи: они с Кейном не договаривают.

Из-за сестринской отстранённости – единственного солдата в наших рядах – план у нас получился полная муть. Мы и раньше не блистали смекалкой и находчивостью, гоняясь за зараженными посреди ИКЕИ и заворачивая Лилит в блинчик с начинкой, но в этот раз с воображением у нас еще более полная задница. И во всем этом я виню сестру.

Тесса отменила предложение Миши организовать поимку зараженного близ гостиницы, чтобы снизить риски атаки на нас целой армии. Тесса даже слушать не стала Перчинку, которая предложила вполне годный план посреди заброшенного военного городка с кучей препятствий и ходов в тридцати километрах от Бадгастайна.

– Вы не понимаете, – объясняла Тесс раздраженно, – нам не нужен абы какой зараженный. Нам нужен наисвежайший образец!

Звучит цинично, но так оно и было. Дело в том, что нам не хватало восемь вполне конкретных наборов генов, которые должны состоять в активной фазе у зараженного, и где их искать, мы понятия не имеем. Главным фактором здесь выступает не возраст особи, а скорее количество предшествующих звеньев в цепи заражения, а сколько их было, нам никак не узнать.

В моменты полнейшего ступора воображение разыгрывает идиотские пьесы из разряда «эх, как было бы здорово, если бы...», и мой мозг не был исключением из этого правила, а потому представлял глупые диалоги с зараженными, которые в реальность никогда не воплотить:

– *Извините! Господин! Господин, можно вас на секунду?*

– *(рычание)*

– *Сколько вы уже бегаете в такой форме?*

– *(рычание)*

– *А тот, кто вас обратил, сколько, по-вашему, он уже бегал по земле до вашей встречи?*

– *(рычание)*

– *А вы не могли бы нам показать...А-А-А-*

– *(смачное чавканье кишками).*

Закон подлости уже всю кашеварил всевозможные преграды на нашем пути: мы можем схватить зараженного, обратившегося совсем недавно, но его набор генов все равно будет неполноценным, потому что он сам обращен малоразвитой формой вируса. А может стать так, что одиннадцатый ген до сих пор не активирован вирусом, потому что просто не успел созреть – пицца закончилась быстрее. Я уж не говорю о том, что во время охоты нас самих могут нашинковать в капустку. Короче говоря, шансы наши опять скатились в яму под названием «удача».

– Вспышка началась в городских больницах и расползлась от центровых очагов к перифериям, – рассказывала Тесс, демонстрируя ход заражения на карте. – Когда зараженные обра-

тили основные массы горожан, они устремились в пригороды, потом в деревни и в леса, потому что люди искали там спасения. А значит и наш путь лежит туда же.

Мы все тревожно переглянулись, потому что прекрасно осознавали опасность охоты в лесах: слишком много особей и слишком много открытых мест. В лесу мы не сможем контролировать ситуацию.

После долгих обсуждений в нашем импровизированном штабе мы решили идти за добычей в лес, как бы нам этого ни хотелось и как бы упорно мы не оттягивали этот момент. Слышали про закон обратных усилий? Согласно этому закону, то, что вы всеми силами стараетесь избежать, скорее всего как раз то, что вам нужно для достижения цели. Такая вот очередная подстава от Вселенной, которая будто бы и без того нам жизнь не осложняла.

– Хорошо. И куда нам идти? – спросил Фабио, нервно теребя черный кудрявый локон у виска.

«Да тут куда ни плюнь, попадешь в смердящую кучку мертвецов», – сказал Миша на языке глухонемых.

– Юго-запад, – не колеблясь, ответила Тесс.

– Почему именно туда? – нахмурился Зелибоба, сложив руки на груди.

– Потому что там больше всего голосов, – тише произнесла сестра.

Мы переглянулись.

– Интуиция Тесс, – начал Кейн, – мы нашли ее источник.

Мы всей командой воззрились на этот подозрительный дуэт, который закрылся от нас на три дня в лаборатории, а выйдя оттуда вывалили на нас целую куча дерьмовых фактов.

После заражения Тесса заполучила воистину паранормальную способность распознавать местоположение тварей, которую мы все прозвали обостренной интуицией.

– Таким образом они общаются, – объяснял Кейн, – при помощи мыслей. Они передают друг другу примитивные сигналы на уровне невидимых волн.

– Да ладно! – воскликнули мы.

– Телепатия?! – воскликнул Малик.

– Мне не очень импонирует данный термин, – нахмурился Кейн-сторонник научного подхода во всем. – Назовем это волновой теорией передачи информации. Лондонское Королевское Общество еще в девятнадцатом веке пыталось объяснить механизм передачи информации на расстоянии при помощи эфирных волн малой амплитуды, чья частота близка к гамма-излучению. Эти волны проникают сквозь человеческий мозг реципиента, создавая в нем образ, аналогичный оригинальному. Возможно, со временем мы изучим этот процесс досконально, но сейчас важно одно: в теории мы все обладаем этим аппаратом связи, поскольку тоже заражены, но Тесса наиболее восприимчива к этому волновому явлению из всех нас.

– А почему именно Тесса? – спросила Божена ревниво.

– Потому что она вся такая душка, – сказал Ульрих и снова послал моей сестре воздушный поцелуй.

Как же он замучил меня своим вниманием к сестре!

– У нас у всех разный процент мутировавших зараженных генов, у Тесс он меньше всех. Это позволяет ей физиологически быть ближе к зараженной норме, а значит быть больше предрасположенной ко всем биологическим характеристикам зараженного организма.

Пока Кейн объяснял, я видел, как нервничала Тесс.

– Значит ли это, что Тесса может облысеть, как они?

Мы смерили Божену хмурыми взглядами, но ей, как всегда, было начхать на наше недовольство.

– Так вот чем вы все эти дни занимались тут?! Тестировали интуицию Тесс? – воскликнул Свен.

– Вирус захватил человеческий мозг, который хранит в себе миллионы способностей, включая неординарные. Кто знает, чем еще он может наделить нас в процессе своей эволюции, – расплывчато ответил Кейн.

Загадочная ментальная взаимосвязь между зараженными казалась настоящим чудом. Зараженные отнюдь не безмозглые изголодавшиеся чудища, какими их воспринимают, согласно теории Кейна, они вообще могут быть умнее меня.

Зелибоба поставил точку в наших обсуждениях:

– Хорошо. Где у Тессы в мозгах орет громче всего, там и ищем нашего зараженного гения.

Мы готовились к опасной экспедиции два дня, и все это время Тесса избегала меня, делая вид, что слишком занята для бесед о личном. Это стало дополнительным доказательством того, что Тесс была обеспокоена невидимым грузом, не желая делиться им ни с кем. Кроме Кейна. И когда я думал об этом, ревность прожигала мою грудь огнем. Глупо, да? Но мне было обидно от того, что Кейн резко перечеркнул наше счастливое семейное воссоединение. Еще неделю назад Тесса его на дух не переносила, а теперь они как лучшие подружки чуть ли за ручки в туалет не ходят!

И вот спустя два дня приготовлений, как только взошло солнце, мы выехали на Аяксе на очередную охоту. Гостиница «Умбертус» на горе осталась далеко позади, а мы все глубже зарывались в зимний лес. Огромные колеса тридцатитонной бронированной машины грубо сминали сугробы под себя, оставляя глубокие выемки от протектора на снегу, по следам которых вереницей следовали три снегохода Арктик Кэт²². Двухцилиндровый двигатель в сто шестьдесят лошадиных сил, гидравлические тормоза, амортизаторы на обеих подвесках, горная стропа и цифровая панель делали из этих трехметровых котят настоящие зимние мини-танки, которые легко маневрируют между деревьями и преодолевают небольшие ямы, внезапно появляющиеся под просевшим снежным покровом по ходу движения. Свен звал свой снегоход Зефир, Перчинка – Саблезуб, а вот Тесс не повезло – она не успела дать имя своему белому зверю, потому что за нее это сделал Ульрих.

– А твоя Киска²³ резвая, да? – спросил он у Тессы, играя бровями.

Все, кто был рядом в гараже, приснули от смеха. Тесса же смерила рыжего придурка таким уничтожающим взором, что он после этого наконец перестал слать ей воздушные поцелуи.

Но дело было сделано. И теперь никто не смог назвать снегоход Тессы иначе, кроме как Киска.

Мы нашли снегоходы на лыжной базе в Бадгастайне и бились над их сдохнувшими бензиновыми двигателями не один год, а потом смогли, наконец, собрать для них аккумуляторы благодаря запчастям, что нашли в деревне, из которой Кейн вытащил Тессу. Там жил дальновидный и бережливый инженер, которому я все больше хочу руку пожать за его гениальную разработку аккумуляторных бочек. Тесса говорила, что его должны были эвакуировать на базу, но не была уверена, что он выжил после той мясорубки. Кто знает, может, однажды я вернусь на Желяву и наконец встречу с ним. Он, сам того не зная, уже три снегохода нам починил, мы перед ним в долгу, ведь теперь «котики» стали частью нашего импровизированного охотничьего отряда, которому суждено спасти человечество от вымирания.

²² Arctic Cat – (пер.англ. Арктический Кот) американский бренд снегоходов и вездеходов, выпускаемый в Тиф-Ривер-Фолс, штат Миннесота. Самая популярная модель снегоходов во всем мире.

²³ Pussy – с англ. котик, кошка, девушка. А также женская промежность (табуированная лексика).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.